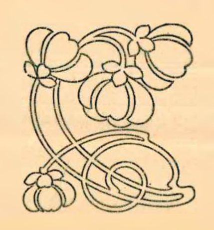
Пименъ Карповъ

ГОВОРЪ ЗОРЬ

Страницы

о народѣ и „интеллигенціи“

С.-Петербургъ
Типографія Трейлоба (Пушкинская Скоропечатня)
Сайкинъ пер. 10

Содержаніе.

Предисловіе.

Эту книгу преслѣдовалъ какой-то злой рокъ. Любовно заносилъ я въ нее мысли и наблюденія о сектантскомъ движеніи въ народѣ и о томъ священномъ огнѣ, который теплится въ немъ, но который, съ одной стороны, расхищается интеллигентами, а съ другой—гасится мракобѣсами и угнетателями; съ негодованіемъ возставалъ я въ ней на защиту духовнаго богатства русскаго народа,—богатства, погубленнаго и обезцѣненнаго хищниками; съ горечью и болью жаловался на смертоносную отраву ушедшаго съ земли въ каменные футляры народа—городской „культурой“ и интеллигентскимъ пониманіемъ жизни. Все это воспроизведено въ книгѣ лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что въ безпрерывныхъ скитаніяхъ я потерялъ подлинникъ книги. Собранная по воспоминаніямъ, она, хотя и не полная, все-таки была приготовлена къ печати. Но тутъ выяснилось, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети не могутъ пройти въ цензурномъ отношеніи, а именно—тѣ, гдѣ говорилось объ угнетателяхъ, и мракобѣсахъ. Пришлось ограничиться лишь статьями, приводимыми здѣсь. Въ нихъ все, касающееся не-интеллигентовъ вычеркнуто мной и книга поневолѣ носитъ нѣсколько односторонній характеръ.

Но все-таки книгу я считаю цѣльной. Хотя весь корень зла и не въ однихъ интеллигентахъ, однако, народъ считаетъ ихъ главными виновниками этого зла. И какъ это ни непріятно „интеллигенціи,“ народъ чуетъ говоръ зорь—голосъ Бога, правды, красоты и любви, чуетъ грядущій расцвѣтъ жизни среди степей и лѣсовъ, и бодръ духомъ, и полонъ силъ. Городъ, такъ называемая городская культура, развращаетъ, губитъ народъ, спасется онъ только въ деревнѣ, на землѣ. Тамъ и интеллигенты переродятся и полюбятъ все близкое: родную землю, родной языкъ, родной народъ.

Меня, пожалуй, могутъ упрекнуть, что я усматриваю націонализмъ литературы не только въ сказкахъ и былинахъ, но и въ отраженіи своеобразныхъ чертъ народной души. Но, вѣдь, нельзя же сузить искусство до служенія тому или иному направленію,—а сказочная литература—направленіе,—искусство, должно быть свободно, ясно, величаво, какъ величавъ русскій народъ: тогда оно будетъ истинно народнымъ и національнымъ.

Оправданіемъ моей рѣзкости и даже можетъ быть нетерпимости можетъ послужить искренность и беззавѣтная любовь къ народу. Кто искрененъ тому простится многое, но одно я долженъ сказать: просить прощенія слѣдуетъ не мнѣ, не народу, а интеллигентамъ.

Авторъ.

Къ землѣ.

Къ землѣ!

Въ борьбѣ за существованіе современное человѣчество раскололось на три враждебныхъ стана, изъ которыхъ одинъ составляетъ интеллигенцію, сосредоточившую въ себѣ ни съ чѣмъ несравнимыя блага духовнаго бытія, другой — капиталистовъ, завладѣвшихъ матеріальными богатствами, и третій — народъ, лишенный рѣшительно всего.

Въ пылу борьбы никто не хотѣлъ знать о „малыхъ сихъ", каждый заботился только о себѣ и старался какъ можно больше взять отъ жизни. Лишь когда для всѣхъ стало очевиднымъ, что народъ обойденъ и обманутъ, совѣсть заговорила въ нѣкоторыхъ, и они возмутились вопіющей несправедливостью. Эти нѣкоторые были интеллигенты.

Они первые вступились — хотя, впрочемъ, только на словахъ — за народъ, посрамляя капиталистовъ и требуя отъ нихъ жертвъ въ пользу обиженныхъ, но сами въ то-же время занимали первенствующее положеніе въ жизни. а, стало-быть, способствовали угнетенію народныхъ массъ.

Черта эта особенно ярко сказалась въ послѣднее время въ русской жизни. На поверхность ея всплылъ старый и вѣчно новый вопросъ объ оторванности интеллигенціи отъ народа и земли.

Интеллигенція *будущаго* видитъ причину недовѣрчиваго, почти враждебнаго отношенія народа къ интеллигенціи вообще въ презрѣніи къ народнымъ идеаламъ, вкоренившимся въ совре-

менномъ интеллигентномъ слоѣ, и зоветъ интеллигентовъ на подвигъ къ самопожертвованію ради народа. Но существуетъ другая, и самая многочисленная, группа интеллигентовъ, утверждающихъ, что никакого народа нѣтъ, какъ нѣтъ и интеллигенціи, что каждый долженъ заниматься только своимъ дѣломъ, а остальное „само приложится", и, что поэтому, ни о какомъ разладѣ между образованнымъ классомъ и народомъ не можетъ быть и рѣчи.

„Нужно, — говорятъ эти „интеллигенты", — приняться прежде всего за культурную работу, чтобы обезпечить народъ матеріально, а затѣмъ уже учить его. Да и что такое народъ? — иронически вопрошаютъ они: — всѣ мы — народъ, и если кто изъ насъ занимается умственнымъ трудомъ, то это еще не значитъ, что существуетъ избранная часть народа, называемая интеллигенціей".

Такъ-ли это? Не правдивѣе-ли будетъ, если я скажу, что интеллигенція, какою всѣ мы, крестьяне, знаемъ ее, существуетъ? Другая, новая, истинная интеллигенція еще только нарождается, и недалеко то время, когда она пойдетъ на сліяніе съ народомъ, а пока намъ Богъ далъ нынѣшнюю интеллигенцію или, вѣрнѣе, „интеллигенщину".

Эта „интеллигенщина" то стоитъ „озадаченной" передъ народомъ, то объявляетъ, что никакого народа нѣтъ, а есть „существа", одинаково счастливыя и несчастливыя.

Какъ вамъ это нравится: въ деревнѣ свирѣпствуетъ произволъ и насиліе, все живое гасится, народъ гибнетъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, а современный интеллигентъ дѣлаетъ открытіе, что какъ онъ, такъ и мужикъ живутъ одинаково „несчастливо" и вмѣстѣ переносятъ ужасы реакціи!

Однако вотъ „несчастненькіе“ интеллигенты читаютъ книги, посѣщаютъ театры, религіозно-философскія и прочія собранія, пишутъ въ газетахъ, а мужикъ не только ни о чемъ этомъ не знаетъ, но едва умѣетъ читать.

Еще не такъ давно эти самые интеллигенты предлагали народу всяческіе услуги, а теперь заговорили „о своихъ мѣстахъ“, о „культурѣ“, и при этомъ удивляются, что народъ неожиданно умолкъ.

Вы думаете, народъ умолкъ потому, что ему не даетъ говорить бюрократія?

Полноте!

Молчатъ крестьяне оттого, что они смѣшали интеллигенцію съ помѣщиками и чиновниками и всѣхъ считаютъ „барами“, начиная отъ сельскаго учителя и кончая писателемъ. А съ „господами“, какъ извѣстно, они неохотники откровенничать.

Вотъ почему народъ упорно отказывается отъ всяческихъ „услугъ“, предлагаемыхъ ему нынѣшней интеллигенціей, какъ не желаетъ знать и разныхъ „неустанныхъ заботъ“ о немъ...

Своимъ молчаніемъ онъ какъ бы говоритъ: „Не надо мнѣ вашихъ совѣтовъ. Уберите ваши чахлыя больницы, убогія школы, оставьте ваши, именно ваши, „реформы“ о самоуправленіи и проч. Если вы и облегчите на іоту мое положеніе, какая мнѣ отъ этого польза въ концѣ концовъ?“ И этому перевороту въ народномъ взглядѣ способствовала сама же интеллигенція своимъ такъ называемымъ „матеріалистическимъ ученіемъ“.

Народъ желаетъ взять или все, или ничего. Если ему даютъ часть свободы, а не всю — онъ ее отвергаетъ и предпочитаетъ ей рабство.

Если на смѣну непрошенныхъ опекуновъ выступаютъ поучающіе „матеріалисты“, а не друзья его — онъ будетъ „жить, какъ жилось“, и не пойдетъ за „матеріалистами“.

Въ этомъ-то заключается ошибка нынѣшняго интеллигента. Онъ старается не учить, а поучать народъ, давать ему наставленія, въ нѣкоторомъ родѣ опекать, и не только не желаетъ слиться съ народомъ, иначе говоря — раздѣлить его трудъ, несчитать себя выше его, жить его жизнью, чтобы ковать общее счастье, — но онъ намѣренно отдѣляется отъ народа и гордится тѣмъ, что стоитъ „наверху жизни“.

Я, конечно, согласенъ, что народъ нужно учить, хотя казалось бы, онъ и „безъ наукъ всѣ науки прошелъ“, но эта высокомѣрная „снисходительность“ по отношенію къ народу, это презрительное подтруниваніе надъ народнымъ „невѣжествомъ“, что спѣшитъ сдѣлать всякая „образованная козявка“, — едва ли говоритъ въ пользу интеллигенціи.

Современные „интеллигенты“ любятъ хвалиться, что они болѣютъ о народѣ, желаютъ ему всяческихъ благъ и даже требуютъ для него учредительное собраніе. А того не хотятъ знать, что народъ только въ томъ случаѣ могъ повѣрить интеллигенціи, если бы они не на словахъ, а на дѣлѣ показали всю свою любовь къ народу, раздѣлили его участь, направили его по тому пути, по которому идутъ сами. Въ самомъ дѣлѣ, если интеллигенты не боятся тюремъ, каторжныхъ работъ, если они даже умираютъ за народъ насильственной смертью, то отчего бы имъ не пожертвовать благами духовной жизни, личнымъ счастьемъ, почему бы имъ не покинуть „городскую культу-

ру“ и не пойти за плугомъ, одновременно уча народъ и создавая съ нимъ культуру деревенскую?

Нужно сдѣлать такъ, чтобы были или всѣ интеллигенты, или никто.

Вотъ тутъ-то нынѣшній интеллигентъ и начинаетъ разсуждать о томъ, что всѣмъ нельзя сдѣлаться образованными, что кому-нибудь надо же работать, что вообще „каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ“. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли вамъ самимъ пойти въ поле да поработать, а крестьяне немного образумятся и станутъ учиться, чтобы вступить съ вами въ соперничество „на верху жизни“. Все равно, вы мало выиграете, если будете заграждать доступъ крестьянамъ „къ верху жизни“. Придетъ время, когда они сломятъ ваше упорство, и вы ляжете костьми подъ ихъ ногами. Такъ идите же къ нимъ теперь, пока не поздно!

Разумѣется, вамъ никто не запретитъ наслаждаться благами культуры, заниматься любимымъ дѣломъ, къ которому призваны, но пожертвуйте для народа хоть крупицей своего счастья! Въ отвѣтъ на призывъ интеллигенты начнутъ жаловаться на некультурность народа, его грубость и т. д. Только народъ на это скажетъ:

— Кто виноватъ въ этомъ, кромѣ васъ? Разъ вы не пошли навстрѣчу мнѣ, то нечего разыгрывать радѣтелей народа, радикаловъ: мы причислимъ васъ къ „русскимъ барамъ“ и обойдемся безъ васъ.

Вотъ, что мнѣ пишетъ одинъ землякъ: „Какъ посмотришь вокругъ — Господи, зависть беретъ: чѣмъ я не человѣкъ и чѣмъ лучше меня эти образованные? А между тѣмъ они пользуются счастьемъ, ты же, грѣшный, гибнешь въ рудни-

кахъ и не знаешь, что такое радость, что такое жизнь...

...Ну, мы и рѣшили: баста, значитъ. Не будемъ больше слушаться ни чиновниковъ, ни ученыхъ: вы, баре, идите своей дорогой, а мы своей...“

Вотъ въ чемъ трагедія русскаго народа! Интеллигенція смотрѣла на него свысока, она любила его платонически, дальше желанія ему „хорошихъ школъ“ и хлѣба не шла. Поэтому не вина народа, если онъ отвернулся отъ интеллигенціи и замкнулся въ себѣ.

Но я вѣрю, что навстрѣчу народу придетъ новая интеллигенція, не „интеллигентщина“, а подлинная интеллигенція и возродитъ этотъ народъ къ новой жизни.

Обликъ интеллигенціи новой уже вырисовался, хотя представители ея, вѣроятно, довольно смутно уясняютъ себѣ то, чего желаетъ народъ.

Совѣсть имъ подсказала, что интеллигенція, — да простятъ мнѣ это выраженіе, но я хочу быть правдивымъ, — ограбила народъ духовно и что это ужаснѣе грабежа матеріальнаго, который совершали надъ крестьянами помѣщики и капиталисты надъ рабочими. Однако, сказать объ этомъ ясно и во всеуслышаніе у Д. С. Мережковскаго и А. А. Блока, — я говорю о нихъ,—не хватило духу.

Вѣдь, надо же заявить, что интеллигенція лишила народъ духовнаго бытія, которое неизмѣримо выше всѣхъ матеріальныхъ благъ и которое для человѣка выше счастья, она лишила его полета, да еще оправдывается, что народъ будто бы неталантливъ, что интеллигентами могутъ быть только врожденные таланты, а потому не вина ихъ, если они обладаютъ талантами и пользуются за это

всѣми благами духовной жизни, благами цивилизаціи. Они говорятъ, что отъ вѣка ихъ призваніе — быть учителями, а не пахарями и рабочими.

Между тѣмъ, это ложь.

Народъ гораздо талантливѣе той интеллигенціи, которая всплыла на поверхность, благодаря обстоятельствамъ и взаимной поддержкѣ. У народа нѣтъ смѣлости, я бы сказалъ — дерзости чтобы стать на ту высоту, которую занимаютъ современные интеллигенты. Онъ простъ и именно благодаря своей простотѣ, терпитъ иго полицейское и интеллигентское.

Этого не хотятъ или не могутъ признать открыто новые интеллигенты.

Кромѣ того, я не ошибусь, если скажу, что и они не знаютъ, что нужно дѣлать, чтобы уничтожить ту непроходимую грань, которая существуетъ между интеллигенціей и народомъ.

Ихъ обуялъ какой-то страхъ передъ надвигающейся стихіей — народомъ, и они только спѣшатъ объявить, что въ народѣ „неблагополучно“. Короче говоря, они рвутся къ народу и дальше „благихъ пожеланій“ не идутъ. Но вѣдь еще Некрасовъ писалъ:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста;
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ. . . .

Какъ видно, однихъ пожеланій недостаточно.

Впрочемъ, новымъ интеллигентамъ народъ долженъ быть признателенъ, что они прозрѣли

духовнымъ взоромъ страшную неправду и первые почувствовали угрызеніе совѣсти за тѣ духовныя и культурныя преимущества, которыми пользуется интеллигенція.

Теперь они нащупываютъ пути, которые приведутъ ихъ къ сліянію съ народомъ. О нихъ народъ, кромѣ добра, ничего не скажетъ.

Но нынѣшніе „интеллигенты" не хотятъ слущать голоса народнаго, и чтобы они услыхали его, мнѣ хочется не говорить, а кричать:

Дѣлайтесь, господа, народомъ! Откажитесь отъ низкой роли скомороховъ и развлекателей капиталистовъ. Вы отдаете имъ умъ, талантъ и энергію, вы изъ кожи лѣзете, чтобы угодить „публикѣ". А народъ продолжаетъ оставаться замкнутымъ, народъ, точно сирота, предоставленъ самому себѣ, и мудрено ли, что онъ затаилъ противъ интеллигенціи такую же злобу, какъ и противъ угнетателей своихъ — богачей.

Бросайте душные города, идите къ землѣ, пойте вмѣстѣ съ народомъ гимны Великой Природѣ.

Въ багряныя зори вы увидите, что вѣру въ Высшее Существо въ васъ убили проклятыя каменныя коробки, что Бога нельзя себѣ представить безъ шума лѣсовъ, величаваго разлива рѣкъ и раздолья полей.

Но вы глухи, и тщетно было бы взывать къ голосу вашей совѣсти. Для виду вы продолжаете разыгрывать роль друзей народа, хотя въ глубинѣ души сознаете, что служите не народу, а личному счастью, ибо для кого существуютъ высшія учебныя заведенія, театры, храмы искусства, для кого пишутся картины, издаются журналы и книги, какъ не для васъ же?

Конечно, все это необходимо, и безъ цивилизаціи нельзя себѣ представить современное человѣчество... отчего же вы думаете, что крестьянину, кромѣ матеріальнаго благосостоянія, ничего не нужно?

Создайте деревенскую культуру и сдѣлайте такъ, чтобы весь народъ пользовался ею, а не одни только избранные.

Интеллигенты говорятъ, что всеобщее равенство установится при демократизмѣ. Но, во-первыхъ, они сами же противорѣчатъ ему, не желая отказаться отъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются, а во-вторыхъ, если даже на землѣ наступитъ царство демократизма, то и тогда желаемое равенство не будетъ достигнуто, ибо интеллигенція роковымъ образомъ будетъ противостоять этому изъ чувства самосохраненія.

На это, пожалуй, интеллигенты опять-таки отвѣтятъ, что ихъ удѣлъ быть учителями народа, который и черезъ триста лѣтъ будетъ стоять ниже интеллигенціи.

Я тоже далекъ отъ мысли противопоставлять интеллигенціи народъ, какъ цѣлое. Въ массѣ народной, безъ сомнѣнія, найдутся такіе же суррогаты, какъ и въ интеллигенціи. Но огромное большинство народа даровито, идеально. Навстрѣчу этому-то большинству интеллигенты обязаны идти.

Меньшинство (купцы, кулаки и т. д., которыхъ въ сущности, нельзя считать за народъ) можетъ и не интересоваться духовной жизнью, довольствуясь матеріальными благами.

Пусть же идетъ интеллигентъ въ деревню, на просторъ степей. Пусть онъ пробудитъ въ себѣ огонь священный, душу живую, ибо душа то у

него зачерствѣла, вылиняла, и вмѣсто духа творческаго, духа Бога, въ груди у него — кислый уксусъ. Этимъ уксусомъ онъ отравилъ свою жизнь, а теперь намѣревается отравить жизнь и народу.

По крайней мѣрѣ интеллигенты поспѣшили объявить, что и народъ начинаетъ выдыхаться, что и у него уксусъ вытравливаетъ душу, или, какъ они говорятъ, „крестьяне проникаются безвѣріемъ". Они разсчитывали покорить народъ, такъ называемымъ, „нигилизмомъ", и радости ихъ не было границъ. Но радость эта преждевременна. Народъ не дастъ себя въ обиду „нигилистамъ", какъ не дастся онъ въ обиду и своимъ матеріальнымъ поработителямъ — помѣщикамъ и проч.

Кончу эти строки возвращеніемъ къ новой интеллигенціи. Выступленіе ея за народные идеалы насъ, крестьянъ, радуетъ, но радость эта не полна, ибо народничество Д. С. Мережковскаго, В. И. Иванова и А. А. Блока, мнѣ кажется, не вполнѣ искренно.

Это одно изъ тѣхъ идейныхъ увлеченій, которыя захватываютъ мыслителей, жаждующихъ подвига всенароднаго.

Думается, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ всѣ они закончатъ свои исканія, — и не пойдутъ въ народъ.

Ибо они — поэты, и жизнь для нихъ лишь средство для творчества.

А жаль, потому что, открывая новыя формы творчества, можно и должно отдать всего себя, душу свою, умъ свой народу и только народу.

То, что Блокъ въ поэтическихъ произведеніяхъ своихъ не совсѣмъ народенъ, еще не говоритъ противъ него, какъ народника. Повторяю, можно отдаться народу и писать о томъ, что больше

всего нравится. Вѣдь, и народъ любитъ высшее искусство, высшую красоту.

Важно не что, а какъ.

Пушкинъ былъ всечеловѣкомъ, однако это не мѣшало ему быть глубоко-національнымъ поэтомъ. Не потому только, что онъ писалъ народныя сказки, а потому, что въ характерѣ своего письма, въ ритмѣ слога, наконецъ въ мысляхъ своихъ, выражалъ душу русскаго народа. Объ этомъ говорилъ и Гоголь въ своей статьѣ „Пушкинъ".

Не въ сказкахъ, вѣдь, дѣло. Сказку и былину можетъ написать, напримѣръ, Анатоль Франсъ, однако это не сдѣлаетъ его русскимъ національнымъ писателемъ, ибо для того, чтобы стать національнымъ писателемъ — нужно умѣть выражать сокровенныя мысли, характеръ того народа, на языкѣ котораго пишешь. А этакія вещи не подъ силу большинству нашихъ писатей просто потому, что складъ ихъ души совершенно противоположенъ душѣ народной.

Написать стихи о Руси еще не значитъ сдѣлаться народникомъ и національнымъ поэтомъ. Національнымъ поэтомъ рождаются, а не дѣлаются. Русью можетъ вдохновиться поэтъ любой страны, такъ, вѣдь, за это его нельзя считать русскимъ національнымъ поэтомъ. Слѣдственно разъ нельзя сдѣлаться народникомъ въ стихахъ, имъ можно сдѣлаться въ жизни и, я думаю новые интеллигенты — на пути къ этому.

Одного только боюсь, какъ бы порывы нашихъ писателей не ограничились словами въ то время, когда нужно дѣйствовать. Пока они руководствуются только чувствомъ состраданія къ русскому народу, а одного состраданія, вѣдь, недо-

статочно. Сказано: „горе тѣмъ любящимъ, которые не имѣютъ ничего, кромѣ состраданія“.

Но все-таки заслуга ихъ въ томъ, что они перестали радоваться превосходству своихъ знаній надъ наивностью и простотой и холодной разсудочности — надъ живой вѣрой. Они принимаютъ на себя великій грѣхъ интеллигенціи, которая отвернулась отъ нихъ и объявила ихъ своими измѣнниками.

Это очень знаменательно. Интеллигенція одинаково безпощадно „клеймитъ“, какъ перебѣжчиковъ въ ея сторону изъ народа, такъ и интеллигентовъ, идущихъ въ народъ. Она ревниво оберегаетъ то „почтительное разстояніе“, которое существуетъ между ею и народомъ.

Что-жъ, тогда народъ самъ вступитъ съ нею въ духовное единоборство. Пробьетъ часъ, волна народнаго движенія подымется и захлестнетъ корабль современной „интеллигенціи“. Съ народомъ останутся только тѣ, которые всецѣло отдадутся ему, а духовные грабители погибнутъ...

Разбитый сосудъ.

Разбитый сосудъ.

Народъ благоговѣлъ передъ сказочными демократами и называлъ ихъ своими благодѣтелями. Въ демократахъ онъ старался видѣть только чистое, самоотверженное и благородное, старался не замѣчать въ нихъ нѣкоторыхъ отталкивающихъ чертъ; народъ любилъ ихъ искренней и неподдѣльной любовью...

О, эта любовь народа! Счастливѣйшій изъ смертныхъ, кто ею пользуется!

Но, даря любовь свою мнимымъ демократамъ, народъ не зналъ, что подъ именемъ демократіи дѣйствовали въ большинствѣ случаевъ прохвосты и провокаторы. А когда для него стало яснымъ какими низкими и мелкими были люди, выдающіе себя за демократовъ и какой кощунственной ложью звучали въ ихъ устахъ слова о благѣ народномъ, о служеніи „страждущимъ и обремененнымъ“, тогда онъ понялъ свою ошибку и отшатнулся отъ нихъ.

Произошло это гораздо раньше азефщины и теперешняго лозунга интеллигенціи: „живи лишь для себя“. Всеобщее предательство и измѣна среди демократовъ шли вмѣстѣ съ освободительнымъ движеніемъ. Сразу народъ, конечно не могъ понять этого, но червь сомнѣнія закрадывался въ душу народную каждый разъ, когда нѣкоторые „демократы,“ заключенные въ тюрьмѣ, ради собственной свободы и благополучія выдавали съ головой цѣлыя крестьянскія общества, подписав-

шія приговоры о всеобщемъ избирательномъ правѣ и о созывѣ учредительнаго собранія. Это было, между прочимъ, въ 1906 г. въ рыльскомъ уѣздѣ, гдѣ одинъ изъ „агитаторовъ“, схваченный полиціей и посаженный въ арестантскую, предалъ крестьянъ макѣевскаго общества, которыхъ нещадно били затѣмъ.

Увидѣвъ истинную подоплеку дѣятельности нѣкоторыхъ „демократовъ“, народъ сталъ разсуждать: да полно, всѣ ли тѣ друзья народа, что называютъ себя демократами! Не добиваются ли они только господства и власти надъ народомъ, а не пользы народной? Ибо, если бы они были настоящими демократами и дѣйствительно любили бы народъ—они не побоялись бы принести жертву, не измѣнили бы народному дѣлу и заботились бы прежде всего о надѣленіи крестьянъ землей, да о повышеніи заработной платы.

Кстати сказать, плата за рабочія руки на заводахъ и фабрикахъ увеличивается, когда положеніе деревни улучшается и жизнь на землѣ для рабочихъ становится доступной и вполнѣ возможной, т. е. когда въ рукахъ трудящихся очутится земля—большинство рабочихъ переселится въ деревню, чтобы заниматься земледѣліемъ, цѣны же въ городахъ на рабочія руки сразу повысятся.

Силой добиться повышенія зарабтной платы очень трудно, почти невозможно; стало быть надо создать такія условія, при которыхъ фабрикантъ самъ увеличилъ бы плату, а этого можно достигнуть, добившись надѣленія трудящихся землей, ибо, повторяю, тогда рабочіе двинутся въ деревню, а фабрикантамъ волей-неволей придется удерживать ихъ увеличеніемъ платы.

Кажется, ясно, что демократы должны были прежде всего и раньше всего добиваться земли, чтобы этимъ самымъ достигнуть желательныхъ результатовъ и въ вопросѣ о заработной платѣ.

Почему же демократы поставили главной своей задачей борьбу за „свободу“, за „учредительное собраніе,“ а не за немедленное надѣленіе крестьянъ землей и остаиваніе прямыхъ интересовъ рабочихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: просто потому, что демократамъ самимъ нужны свободы и „учредительныя собранія,“ а до рабочихъ и крестьянъ имъ нѣтъ дѣла.—„Добьемся свободы—тогда будемъ думать о хлѣбѣ“—говорятъ они. Но вѣдь и при „свободахъ“ крестьяне и рабочіе будутъ голодать, сытыми-же будутъ только демократы, которые для того и жаждутъ свободы, чтобы лучше эксплоатировать людей.

Объ этомъ народъ догадался, повторяю, не сразу, постепенно, но тѣмъ сильнѣе онъ возненавидѣлъ лже-демократовъ и лже-интеллигентовъ...

Хрустальный сосудъ—сказка о борцахъ за народное счастье—разбился и отъ него остались только стекляшки—корыстолюбіе, самозванство и предательство.

Послѣ краха съ „демократами,“ народъ обратилъ свои взоры къ интеллигенціи. Онъ ждалъ отъ нея духовной пищи, ждалъ какого-то чуда и рвался впередъ, къ лучшей жизни. Но могъ ли онъ дождаться чего либо путнаго отъ бездушной, вылинявшей и такой-же корыстной, какъ и демократы интеллигенціи?

Народъ до ужаса явственно видѣлъ, что демократы и интеллигенты ничуть не лучше кулаковъ и угнетателей.

И если онъ проклиналъ помѣщиковъ, купцовъ, бюрократовъ, кулаковъ за то, что они давили и обкрадывали его, то почему они должны были хвалить адвокатовъ, врачей, судей и чиновниковъ, которые ничуть не меньше, а то пожалуй и больше эксплуатируютъ народный трудъ. Разумѣется, все это они продѣлываютъ подъ маской благочестія, такъ сказать нѣсколько „благороднѣе“ кулаковъ и міроѣдовъ, но отъ этого не мѣняется положеніе дѣла. Фактъ эксплуатаціи народа остается фактомъ и интеллигенты не оправдаются даже тѣмъ, что они будто бы приносятъ пользу народу, ибо эта польза приноситъ только вредъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи народа и интеллигенціи до послѣдняго времени находился втунѣ потому, что интеллигенція тщательно скрывала свои грѣхи. Даже при явномъ разладѣ „образованныхъ“ и „темныхъ,“ вопросъ этотъ не подымался и всплылъ онъ на поверхность только въ періодъ всеобщей измѣны, предательства и корыстолюбія среди участниковъ освободительнаго движенія, въ періодъ погони интеллигентовъ за „цвѣтами жизни“ и попранія ими народныхъ идеаловъ. Слѣдственно, утвержденіе, будто никакого вопроса объ отношеніи народа къ интеллигенціи не существуетъ и онъ выдуманъ „реакціонерами“ — чистѣйшая ложь.

Несомнѣнно, вопросъ этотъ сталъ одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ русской жизни. Отношеніе крестьянъ къ бюрократамъ, капиталистамъ и помѣщикамъ достаточно извѣстно: мужикъ затаилъ кровную обиду и о примиреніи съ ними не хочетъ и слышать. Гораздо интереснѣе знать, какъ относится народъ къ интеллигентамъ, счи-

тающимъ себя защитниками народныхъ интересовъ.

И вотъ, на вопросъ приходится отвѣчать вопросомъ: да кто же виноватъ, что среди демократовъ оказались предатели и что интеллигенты покинули народъ? Именно, покинули, ибо гдѣ тѣ учители и общественные дѣятели, что шли въ народъ и оставались въ немъ, уча его и раздѣляя съ нимъ трудовую жизнь, гдѣ тѣ врачи, что стремились въ рабочія предмѣстья и въ деревни и почти безплатно лѣчили больныхъ крестьянъ и рабочихъ? Ихъ нѣтъ, такъ нечего же удивляться, что народъ презираетъ „образованныхъ баръ,“ т. е. интеллигентовъ.

Мнѣ приходится, такимъ образомъ, отмѣчать только голый фактъ, что крестьянство, да и рабочія массы настроены далеко не въ пользу теперешней интеллигенціи, теперешней демократіи.

Это, быть можетъ, обидно для интеллигентовъ и демократовъ, но это такъ.

Тѣмъ, казалось бы, терпимѣе должны отнестись они къ мнѣнію, высказываемому мной здѣсь, ибо мечта моя — сліяніе народа съ интеллигенціей, общее взаимопониманіе, а не насажденіе вражды, какъ думаютъ многіе, между этими двумя совершенно противоположными мірами.

Кто долженъ первый пойти навстрѣчу къ объединенію, кому предстоитъ проявить готовность жертвы — это другой вопросъ, но что сліяніе интеллигенціи съ народомъ необходимо — этого отрицать нельзя.

Статья моя объ отношеніи интеллигенціи къ народу, напечатанная въ одной изъ петербургскихъ газетъ, не только не нашла отклика въ интеллигенціи, но, какъ это ни странно, вызвала

рядъ грубыхъ ругательствъ по моему адресу со стороны отдѣльныхъ представителей „интеллигенціи“, главнымъ образомъ участниковъ освободительнаго движенія.

Ругали меня въ письмахъ, злобно и мстительно. А за заключительныя слова статьи: „духовные грабители народа погибнутъ“ одинъ господинъ собирался „погубить“ меня самого, если я въ другой разъ осмѣлюсь „тронуть словомъ упрека людей, которымъ недостоинъ ремня развязать на ногѣ“.

При этомъ онъ изрекалъ, какъ неопровержимую истину, что будущее за интеллигенціей, а не за народомъ, этимъ „презрѣннымъ рабомъ“ и клялся, что интеллигенты скорѣе лягутъ костьми, чѣмъ отдадутъ мужикамъ первенство въ жизни. а, говоря о задачахъ интеллигенціи, господинъ утверждаетъ, что интеллигенты, воспринявшіе все многообразіе культуры, призваны жить духовной жизнью, быть полубожествами и не имъ идти въ услуженіе какому-то „хаму“. Для того, чтобы достигнуть счастья, интеллигенты страдаютъ, мыслятъ, идутъ „въ огонь и на висѣлицу“, а мужикамъ, этимъ кротамъ, кромѣ земли ничего не надо. Вобьютъ имъ въ голову революціонныя идеи — они бунтуютъ, привьютъ квасной патріотизмъ — бредятъ о „великой Россіи“. „Нѣтъ, сударь, куда вамъ до интеллигентовъ заканчиваетъ авторъ письма — каждый сверчекъ знай свой шестокъ: не мужикамъ варварамъ, создать культуру, хотя бы и деревенскую, а потому пусть они ковыряютъ землю, но не суются, куда не слѣдъ“.

Нужно ли добавлять, что кромѣ этихъ письменныхъ оскорбленій мнѣ былъ объявленъ еще и „бойкотъ“.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ незначительный, ярко характеризуетъ современныхъ интеллигентовъ.

Если бы въ моихъ намѣреніяхъ было возражать подобнымъ господамъ, я бы отвѣтилъ имъ, во-первыхъ, что интеллигенты не такъ ужъ охотно идутъ „въ огонь и на висѣлицы", какъ думается автору „письма", во-вторыхъ, что у меня и въ мысляхъ не было „разносить" интеллигенцію и оспаривать у ней первенство, напротивъ, передъ истинной интеллигенціей я преклоняюсь и отрицательно отношусь только къ лже-интеллигентамъ, но я хочу „письма" и „бойкотъ" обойти молчаніемъ. Долженъ, однако, заявить, что я высказываюсь въ своихъ статьяхъ не отъ своего имени, а отъ имени всего крестьянства, съ которымъ я кровно связанъ и стараюсь отмѣтить въ печати то настроеніе, которое господствуетъ въ настоящее время въ деревнѣ.

Пошлые намеки, будто бы крестьяне измѣнили дѣлу свободы и способны на погромы, не смущаютъ крестьянъ, ибо они знаютъ, что погромы устраивались представителями той же „интеллигенціи" съ провокаторской цѣлью, а участіе въ немъ принимали только отбросы города, которые никакого отношенія къ народу и деревнѣ не имѣютъ.

Восьмидесятимилліонное крестьянство ни единымъ безчеловѣчнымъ поступкомъ не запятнало себя. Это вѣдь превосходно знаютъ интеллигенты, знаютъ также, что деревенскіе и городскіе жители— это и небо, и земля, однако притворяются не знающими и сваливаютъ крестьянъ въ одну кучу съ погромщиками и хулиганами.

Трудно приходится крестьянамъ бороться за существованіе, въ особенности одинокимъ, но разъ и навсегда нужно заявить, что своимъ безпрерывнымъ упорнымъ трудомъ они снискиваютъ себѣ честный кусокъ хлѣба, не такъ, какъ интеллигенты, и утвержденіе, будто крестьяне пьянствуютъ и лѣнятся — отвратительная клевета.

Уже чуютъ интеллигенты, что придетъ настоящій хозяинъ жизни и смететъ съ лица земли мусоръ, знаютъ они, что отъ прежняго драгоцѣннаго сосуда — народолюбивой интеллигенціи остались лишь осколки, которые необходимо отмести — видятъ они это, но обманываютъ себя, что этого никогда не случится.

Чтобы не было страшно отъ приближающагося конца ихъ, они то и дѣло повторяютъ слова „хамъ", „погромщикъ", „трупъ", точно чудодѣйственное „чуръ меня, чуръ". Говоря иначе, они предрекаютъ конецъ народу, тогда какъ сами-то они на краю гибели.

Впрочемъ, пусть называютъ народъ чѣмъ угодно. Для него это безразлично. Но пусть интеллигенты помнятъ, что народъ имъ не сдастся, ибо, дѣйствительно, есть еще порохъ въ пороховницахъ!

У плуга.

У плуга.

Весна. Таетъ снѣгъ, бѣлые пары блуждаютъ ночью по оврагамъ, а днемъ ихъ прорѣзываетъ горячее солнце и побѣдно звенитъ во льдахъ своими лучами. Всѣмъ несетъ оно восторгъ и радость, всѣхъ обогрѣваетъ: и помѣщика, и трудящагося, забитаго батрака, и счастливаго, и несчастнаго, и богатаго, и бѣднаго.

Расцвѣтаютъ первыя травы, пахнетъ оттаявшая земля, въ лицо дуетъ тепломъ. Батракъ, радуясь каждой травинкѣ, каждому жучку, грѣющемуся на солнцѣ, ѣдетъ въ поле, чтобы нести за безцѣнокъ каторжный трудъ—воздѣлывать пашню помѣщика.

И когда онъ впрягается въ непосильное ярмо, когда потъ градомъ катится съ него—и не предвидится конца изнурительной, тяжелой работѣ—тогда вся красота весны и расцвѣта теряетъ для него всякій смыслъ, ибо ему некогда думать объ отдыхѣ и радости, потому что надъ его душой стоитъ помѣщикъ и не даетъ ему опомниться, крича: — «Живѣй!.. Почему лѣнишься? Не заплачу денегъ!»

Цвѣтутъ-ли въ садахъ деревья, одѣвается-ли ароматными травами земля, плаваютъ-ли по полямъ голубые майскіе туманы или свѣтитъ ослѣпительное, захлебывающееся собственнымъ блескомъ солнце—батракъ не въ силахъ замѣтить этого—и не потому, что онъ дѣлается безчувственъ и грубъ,—нѣтъ, душа его нѣжна, воспріимчива и

пѣвуча — а потому, что ему не до солнца и радости, когда босыя ноги его устаютъ отъ безконечнаго хожденія за плугомъ, когда пыль застилаетъ ему пересохшее горло, когда онъ не знаетъ отдыха въ теченіе 18 часовъ и не имѣетъ иной пищи, кромѣ черстваго хлѣба и сырой воды.

И эти ужасныя условія для земледѣльческихъ рабочихъ создаютъ интеллигентные люди, не только помѣщики-профессіоналы, но и адвокаты, врачи, профессора, владѣющіе имѣніями.

Какъ послѣ этого не сказать, что интеллигенція вдвойнѣ грабила и грабитъ народъ: она пользовалась и пользуется матеріальными богатствами, выжатыми изъ народа и духовными утѣхами, являющимися тоже продуктомъ совмѣстнаго народнаго творчества?

Будемъ откровенны, не станемъ закрывать глаза истинѣ и скажемъ прямо, что всякій, считающій себя интеллигентомъ, главнымъ образомъ интеллигентомъ «основательнымъ», и воображающій, что онъ облагодѣтельствовалъ народъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, на самомъ дѣлѣ не только не принесъ никакой пользы, но, наоборотъ, всю свою жизнь угнеталъ безпомощныхъ уже однимъ своимъ существованіемъ.

Вѣдь, что такое интеллигентъ?

Это человѣкъ, ищущій красивой жизни, неисчерпаемыхъ возможностей, жаждущій неизвѣданнаго счастья. И онъ достигаетъ этого счастья всѣми правдами и неправдами и—кто бы онъ ни былъ — ужъ никогда не пожертвуетъ въ пользу другихъ одной каплей своего благополучія, не облегчитъ участи обездоленнаго. На словахъ онъ будетъ ратовать за угнетенныхъ, будетъ клеймить безсердечіе другихъ, но самъ палецъ-о-палецъ не

ударить, чтобы помочь угнетенному лютымъ трудомъ, своими средствами, чтобы, наконецъ, подѣлиться съ ближнимъ своимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба. А если что и дастъ, то только лишнее, по пословицѣ: «на тебѣ, небоже, что мнѣ негоже».

Въ погонѣ за тщеславіемъ интеллигенты то и дѣло «чувства добрыя въ народѣ пробуждаютъ», нисколько, однако, не заботясь о его горѣ и преспокойно получая аренду съ какого-нибудь владѣнія. Потому что имъ нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ достаютъ эту аренду крестьяне, такъ какъ, вѣдь, они заботятся только о себѣ и ни о комъ другомъ.

Когда интеллигентъ, непосредственно видитъ всю непроглядную жизнь мужика, онъ все-таки не приметъ въ этомъ мужикѣ или батракѣ участія и будетъ больше заботиться объ экономіи, о доходахъ съ своего владѣнія, чѣмъ о созданіи человѣческихъ условій труда для своихъ же рабочихъ. При человѣческихъ условіяхъ земледѣльческій рабочій и больше бы выработалъ, и жизнью насладился бы, и красоту природы почувствовалъ бы!

Народникъ Эртель, да и всѣ радикальные дѣятели на словахъ проповѣдывали равенство, братство, а на дѣлѣ «прижимали» рабочихъ въ своихъ имѣніяхъ,—пускай и противъ своей совѣсти, но «прижимали», ибо они не могли отказаться отъ матеріальныхъ благъ.

Хотя бы наши народники и радикалы не помогали народной массѣ матеріально, но помогали нравственно, хотя бы давали ходъ даровитымъ сынамъ народа, а то вѣдь и этого ни отъ кого нельзя ожидать! Интеллигенты не желаютъ съ варварами дѣла имѣть, а народники ограничиваются только словами. А между тѣмъ русскій

народъ — единственный народъ въ мірѣ, дающій такое множество даровитыхъ людей. Россія по справедливости называется страною самородковъ. Народъ въ Россіи предоставленъ самому себѣ и ему поневолѣ приходится заниматься самообразованіемъ и саморазвитіемъ: ждать помощи не откуда.

Механикъ Кулибинъ, астрономъ Семеновъ, геніальный артистъ Щепкинъ, поэты Кольцовъ, Никитинъ, Суриковъ — кто ихъ образовывалъ и развивалъ, кто способствовалъ ихъ преуспѣянію и прокладалъ имъ дорогу? никто: они сами страшными усиліями выбились на свѣтъ Божій и заявили о своихъ недюжинныхъ талантахъ. Міровой извѣстности достигъ Горькій, первымъ артистомъ не только въ Россіи, но почти во всемъ мірѣ считаютъ геніальнаго Шаляпина и оба они — сыны народа. Выбились эти титаны на широкую дорогу благодаря тому, что родились и провели свою молодость въ крупныхъ центрахъ, гдѣ они имѣли возможность пополнять свои знанія, а сколько пропадаетъ талантовъ въ разныхъ Голодаевкахъ и Погорѣловкахъ, куда семь лѣтъ скачи — не доскачешь — одному Богу извѣстно!

Не такъ еще давно, курское губернское земство, въ бытность предсѣдателя свободолюбца Раевскаго, сдѣлало опросъ учителей начальныхъ школъ о способныхъ мальчикахъ въ сельскихъ школахъ. Опросъ былъ сдѣланъ шутя, любопытства ради. И результаты получились поразительные. Оказывается, что неспособныхъ учениковъ, какими въ гимназіяхъ, хоть прудъ пруди, — въ сельскихъ школахъ почти нѣтъ. Всѣ — даровиты и непремѣнно къ чему либо стремятся. Одинъ рисуетъ, не разставаясь съ карандашомъ и клоч-

комъ бумаги нигдѣ. Другой зачитывается книжками по механикѣ и мастеритъ свои часы. Третій пишетъ стихи. Четвертый увлекается физикой. Но всѣ эти живые огни принуждены гаснуть въ нищетѣ и безпомощности, такъ какъ дальше сельской школы имъ двинуться некуда: вездѣ мѣста заняты интеллигентами.

Жаль, что не имѣю сейчасъ подъ рукой книги курскаго земства объ этихъ ученикахъ-талантахъ, я-бы могъ разсказать болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ книжкѣ приведены стихи учениковъ, кстати сказать, до того глубокіе и красивые, что въ сравненіи съ ними «поэзія» изъ «Новаго журн. д. всѣхъ»—жалкая стряпня. Кромѣ того, данъ полный отчетъ о работахъ другихъ учениковъ.

Вотъ и „прогрессистъ" г. Раевскій и свободолюбецъ, а поощрилъ-ли онъ хоть одного изъ учениковъ сельскихъ школъ къ дальнѣйшему образованію, позаботился-ли онъ о мѣстѣ въ средней школѣ для талантливаго ученика? Но г. Раевскій интеллигентъ—чего же отъ него можно ожидать?

А еще удивляются, что народъ смѣшалъ интеллигентовъ съ барами, а „свободолюбцевъ" съ черносотенцами! „Свободолюбцы" отличаются отъ членовъ союза русскаго народа только тѣмъ, что обѣщаютъ больше, а на дѣлѣ какъ тѣ, такъ и другіе ничего не даютъ народу, заботясь только о себѣ.

Всѣ они — и „свободолюбцы", и черносотенцы—усѣлись на хребтѣ мужика и ѣдутъ на немъ, ну, и пусть бы ѣхали молча, такъ нѣтъ же, вся эта проклятая мошкара — всѣ эти земцы, врачи, адвокаты, писаря, купцы, арендаторы, стражники и прочіе пришибатели, имя же имъ легіонъ—увѣряютъ каждый по своему, что народъ безъ нихъ

погибнетъ, что они дѣлаютъ большое одолженіе для народа, когда навязываютъ ему свои „услуги“.

И чудакъ же этотъ народъ! Ему стараются услужить, а онъ бѣжитъ отъ этихъ услугъ, какъ отъ чумы! Но какъ ему не бѣжать отъ освободительскихъ и черносотенныхъ услугъ, когда онъ видитъ, что положеніе его съ каждымъ днемъ не улучшается, а ухудшается и причиною этому ухудшенію служатъ не только черносотенцы, но и свободолюбцы, которые также угнетаютъ рабочихъ въ своихъ вотчинахъ, какъ и черносотенцы.

Было время, когда борьба земледѣльческихъ рабочихъ за лучшія условія труда широкой волной катилась по Россіи и — близилась побѣда, теперь же борьба пріостановилась и хотя рабочіе земли бодры и съ надеждой взираютъ на будущее, но пока терпятъ лишенія и невзгоды.

Пока они получаютъ за свой тяжелый трудъ лишь гроши и несутъ поистинѣ непосильный трудъ. Весь долгій лѣтній день — отъ зари — до зари — они проводятъ подъ открытымъ небомъ, нерѣдко на дождѣ и холодѣ и не имѣютъ никакого отдыха. Работаютъ они босыми и раздѣтыми даже въ холодное время, потому что хотя владѣлецъ и обязуется по условію выдавать на работу теплую свитку и сапоги, но вмѣсто нихъ онъ выдаетъ рваную хламиду и лапти, а, вѣдь, работа въ полѣ въ такой одеждѣ отзывается на здоровьѣ рабочаго.

Если прибавить къ этому то подобіе харчей, которыя преподносятъ ему помѣщики - интеллигенты, если прибавить еще и издѣвательства, а часто и побои, наносимыя рабочимъ — то картина угнетенія рабочихъ массъ въ вотчинахъ интеллигентовъ получится полная.

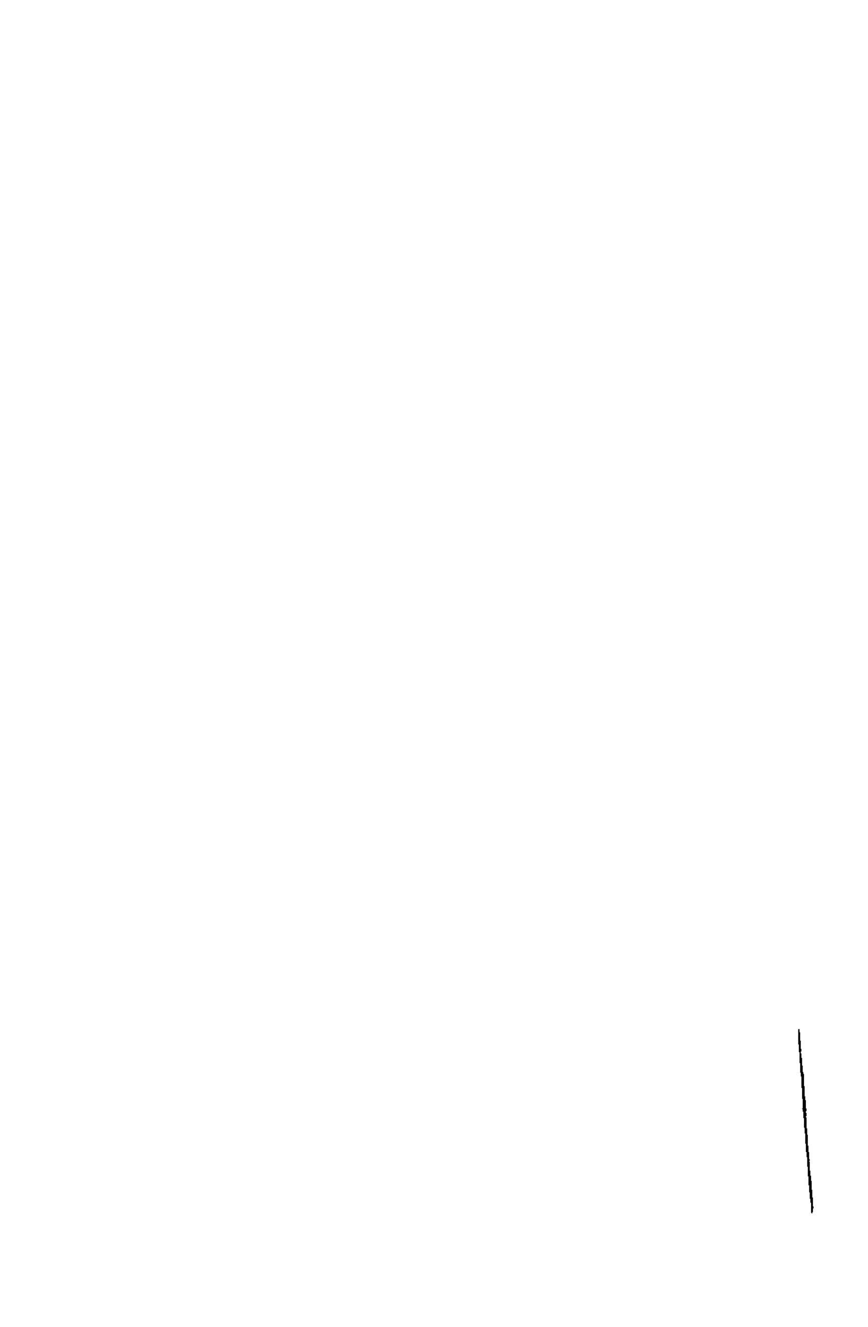
А дѣться пока некуда. Пробовали было земледѣльческіе рабочіе оставлять работу у земледѣльцевъ-интеллигентовъ и купцовъ — но жестокая нужда въ связи съ общей безработицей заставляла ихъ опять идти къ своимъ угнетателямъ и нести непосильный трудъ.

Казалось бы для облегченія тяжелаго положенія земледѣльческаго рабочаго требуется немного: установленіе 12-ти часового рабочаго дня, 2-хъ часового отдыха, посильная работа, крѣпкая обувь и теплая одежда, здоровые харчи и человѣческое обращеніе. Между тѣмъ, этой маленькой уступки владѣльцы, даже „свободолюбивые" и не хотятъ сдѣлать!

Несмотря на это, земледѣльческіе рабочіе не падаютъ духомъ, ибо земля имъ даетъ силы, воздухъ освѣжаетъ ихъ, солнце исцѣляетъ ихъ тѣло и душу и они вѣрятъ въ алую зарю будущаго — правду!

Потревоженная совѣсть.

Потревоженная совѣсть.

Какъ ни стараются интеллигенты, обманывающіе народъ и пользующіеся его трудомъ, увѣрить себя, что они также приносятъ пользу народу — совѣсть не дастъ имъ покоя и терзаетъ ихъ души. Для того, чтобы оправдаться передъ своею совѣстью и народомъ — требуется одно: сліяніе съ народомъ, раздѣленіе его труда и тягостей жизни.

Но интеллигенты и тутъ отворачиваются отъ правды, словно бѣсы отъ ладана, говоря, что задачи ихъ — въ созданіи цивилизаціи и новой жизни, но не въ занятіи грубымъ физическимъ трудомъ. Однако, какая же цивилизація, да и какая же жизнь мыслима безъ тяжелаго физическаго труда? А разъ этотъ трудъ неизбѣженъ — имъ долженъ заниматься каждый: и поэтъ, и философъ, и художникъ, и ученый, не говоря уже о капиталистахъ и чиновникахъ.

Въ свободное отъ физическаго труда время, люди могутъ заниматься любимымъ дѣломъ, которое уже не есть трудъ, а творческое развлеченіе.

Но интеллигенція заниматься трудомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова только народъ заставляетъ, сама же бѣжитъ отъ труда, какъ отъ чумы и не жаль было бы, если бы она созналасъ въ этомъ, да въ томъ то и бѣда, что ею выдумываются жалкія слова о „мукахъ творчества" (хороши „муки" — сидѣть въ уютномъ кабинетѣ и набрасывать на полотнѣ или на бумагѣ „настрое-

нія“) объ „умственномъ трудѣ“, который будто бы тяжелѣе физическаго, о пользѣ цивилизаціи, которая облегчаетъ-де и физическій трудъ и т. д.

А совѣсть стоитъ на своемъ и непрерывно твердитъ: „Ложь!“ „Обманъ!“ „Ты долженъ раздѣлить трудъ народа“. Тогда интеллигенты, чтобы успокоить совѣсть и народу глаза загородить — дѣлаютъ ему уступки въ пользованіи жизненными благами, но только уступки. Въ то же время они не перестаютъ твердить, что они вовсе не обязаны дѣлать народу никакихъ уступокъ и заботятся о народномъ благосостояніи только потому, что ужъ сердца у нихъ такія — мягкія: не могутъ видѣть безъ боли чужого горя. Мало того, въ минуты откровенности они еще напомнятъ, что такъ какъ народъ глупъ, „необтесанъ“ и бездаренъ, то самое подходящее его занятіе, это — тесать камни, колоть дрова, плотничать, пахать и т. д. Ибо. заявляютъ „интеллигенты“—мы душой рады принять въ свои ряды народъ, да что жъ дѣлать, коли онъ никуда не годится?

Руководствуясь подобными соображеніями, въ послѣднее время интеллигенты даже и уступокъ въ пользованіи „утѣхами“ жизни не стали дѣлать, и всѣ примирились уже съ этимъ положеніемъ. Правда попрана тамъ, гдѣ, казалось бы, нельзя было ожидать ея попранія: въ средѣ защитниковъ правды и справедливости, въ средѣ интеллигентовъ.

Послѣ такого поруганія истины, какой выходъ остается у честныхъ, не тронутыхъ тлетворнымъ дыханіемъ лжи натуръ?

Конечно, только самоубійство. Ложь, провокація, предательство, измѣна на каждомъ шагу. Гдѣ, правда, гдѣ смыслъ жизни? Ихъ нѣтъ. Зачѣмъ же тогда жить? Зачѣмъ жить, когда человѣкъ

на человѣка смотритъ, какъ на своего соперника и врага, котораго надо „подкузьмить“ или стереть съ лица земли вовсе? Зачѣмъ жить, когда даже въ существѣ своемъ незлобивые люди, при томъ даровитые, — чтобы прикрыть ужасную, чудовищную, огромную ложь, которой они живутъ и питаются, — выдумываютъ свои пошленькія, маленькія правды и этими правдами, точнѣе правдочками душатъ людей? Правдочки эти суть: жалкія слова о пользѣ цивилизаціи, о необходимости культурныхъ пріобрѣтеній и о „продовольственной помощи крестьянамъ“. Интеллигентами выдумана цивилизація и культура, имъ и книги въ руки: при помощи культуры они легко избѣгутъ настоящаго труда и легко объегорятъ народъ, а потомъ будутъ хлопотать о продовольственной помощи этому народу. А когда все-таки сомнѣвающійся народъ спроситъ — гдѣ же интеллигентская правда, ему отвѣтятъ: посмотри на желѣзныя дороги, на заводы, на фабрики — чьимъ умомъ это достигнуто? Интеллигентскимъ. Какъ бы ты обошелся безъ машинъ и заводовъ? Ты погибъ бы. Кромѣ всего этого, мы въ трудныя времена, испытываемыя тобою, организовываемъ тебѣ еще и продовольственную помощь, а ты все недоволенъ?

Но народъ остается все недоволенъ, да и какъ же быть довольнымъ, когда ясно, что о продовольственной помощи, о просвѣщеніи и о культурѣ интеллигенты распространяются для „близиру“, а въ сущности дѣло обстоитъ такъ: культура и цивилизація основана на грубомъ физическомъ трудѣ, котораго избѣгаютъ интеллигенты, слѣдственно культура движется трудящимся людомъ, достигающимъ на практикѣ и научныхъ, и техническихъ познаній, а интеллигенты только играютъ въ ци-

вилизацію да наслаждаются „утѣхами“ жизни. Я знаю лично рабочихъ, могущихъ въ своемъ дѣлѣ „заткнуть за поясъ“ любого инженера, знаю и фельдшеровъ-солдатъ и народныхъ лѣкарей, къ которымъ врачи обращались за совѣтами. Судите теперь сами, кѣмъ поддерживается культура.

Вѣдь народомъ. А между тѣмъ, „заслуги“ передъ культурой числятся только за интеллигентами и на основаніи этихъ „заслугъ“ они дѣлаютъ гадости: за эти маленькія правдочки имъ прощается огромная ложь.

Какъ же тогда жить честному человѣку? Человѣку, который разувѣрился не только въ людяхъ вообще, но и въ избранныхъ?

И теперь любуйтесь: что ни день, то десятки самоубійствъ. И знаменательно, что большинство самоубійцъ — молодые люди, полные силъ и энергіи, хотящіе жить, но вычеркивающіе себя изъ книги жизни послѣ угрызеній совѣсти и сознанія, что они ошиблись и пошли не по тому пути, по которому надо было идти, что они даромъ пользовались народнымъ трудомъ и что, вообще, жизнь прокудливой интеллигенціи не можетъ послужить для нихъ образцомъ. Это честныя и въ высшей степени благородныя личности.

Примѣчательно, что кончаютъ самоубійствомъ преимущественно люди живущіе въ городахъ. Въ этомъ таится какой то страшный, зловѣщій и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный символъ. Жизнь возможна только на землѣ. Умираютъ по своей волѣ богатые и бѣдные, счастливые (есть среди самоубійцъ и такіе) и несчастные, но всѣ — отравленные смраднымъ дыханіемъ каменнаго молоха-города, всѣ съ непримиримой ненавистью къ исказившей человѣческій ликъ — хитросплетенной

лжи — интеллигентской правдѣ и рынкамъ жизни. Настоящая жизнь, говорятъ они своими самоубійствами, только грядетъ и будетъ она вся въ цвѣтахъ и зоряхъ, будетъ она на груди матери-земли!

Принято думать, что кончаютъ съ собой люди неустойчивые, больные, отчаявшіеся, словомъ — лишніе люди. Но вдумайтесь въ смыслъ предсмертныхъ словъ самоубійцъ, въ окружающую ихъ среду, наконецъ, въ образъ ихъ жизни и вы увидите, что кончаютъ, наоборотъ, люди въ большинствѣ случаевъ развитые, даровитые, кончаютъ не подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ или временнопреходящихъ неудачъ, а послѣ долгихъ размышленій и вывода: убей себя, если ты заблудился и надъ тобой господствуютъ ничтожество.

Не конченные и жалкіе люди сводятъ счеты съ ложью, именуемой жизнью, а герои и подвижники, люди съ сильной волей и закаленнымъ характеромъ. Встрѣчаются среди самоубійцъ и несчастные, и фанатики, и сумасшедшіе, но подлецовъ, но трусовъ и мерзавцевъ среди нихъ рѣдко можно встрѣтить, даже — никогда. Подлецъ, какую бы гадость онъ ни сдѣлалъ — не рѣшится искупить ее своею кровью, у него не хватитъ духу уйти изъ жизни и не дѣлать больше зла. Ибо, у него совѣсть спитъ — да у него, вѣроятно, вовсе нѣтъ никакой совѣсти.

А люди, совѣсть которыхъ потревожена — не переносятъ мученій и мужественно покидаютъ жизнь, полную противорѣчій и загадокъ. Эти люди — герои.

Героическая смерть — не для подлецовъ: Азефъ не покончитъ съ собой: онъ слишкомъ низокъ и подлъ, чтобы сдѣлать это.

Студенты, курсистки, дѣвушки, юноши, писатели, актеры, чиновники, бары, рабочіе убивающіе себя, — одни, будто бы отъ пути, приведшаго ихъ въ тупикъ, другіе отъ несчастной любви, третьи отъ разбитой жизни, четвертые отъ безвыходнаго матеріальнаго положенія, — въ сущности покончили съ собой не потому, что жизнь ихъ сложилась ужасно, а потому, что люди насмѣялись надъ ними и совѣсть ихъ возмутилась противъ той лжи и того обмана, которыми живетъ современное человѣчество.

Вѣдь міръ самъ по себѣ прекрасенъ: онъ созданъ раньше людей и все въ немъ гармонично, правдиво. Въ существѣ своемъ люди не совершенны и жалки, но они брали примѣръ съ міра, со вселенной въ которой — все — гармонія и порядокъ, и этимъ постепенно приближались къ совершенству. Значитъ, въ мірѣ нѣтъ такого тупика, изъ котораго нельзя было бы выйти. Но когда не міръ, не жизнь, не рокъ, а сами люди строятъ другъ другу козни, издѣваются надъ личностью — совѣсть не выноситъ этого и требуетъ возмездія, а орудіемъ возмездія часто является самоубійство.

Только смерть способна тронуть закаменѣлыя сердца тѣхъ, кто угнетаетъ и издѣвается надъ личностью.

Однако, почему же орудіемъ мести оскорбленные избираютъ самоубійство? Страшно объ этомъ говорить, но иного выхода для честныхъ и непосредственныхъ натуръ, задавленныхъ житейской ложью и городомъ-молохомъ, нѣтъ.

Посмотрите на народъ, покинувшій землю и переселившійся въ городъ, посмотрите на рабочихъ. Они вымираютъ. Съ этой безотрадной мыслью мирятся даже соціалъ-демократы, эти незванные и

непрошенные „радѣтели“ рабочаго люда. Интеллигенты, высасывающіе кровь изъ рабочихъ махнули рукой на дѣло возрожденія бѣднаго народа, оторваннаго отъ земли, отъ солнца и заброшеннаго въ городскихъ трущобахъ. „Благодѣтели“ перестали заботиться не только о крестьянахъ, занимающихся земледѣліемъ, не только о „хамахъ“, но и о своихъ товарищахъ-пролетаріяхъ.

Все равно ничего не выйдетъ — говорятъ они въ одинъ голосъ.

И рабочіе не живутъ, а доживаютъ. Я посѣтилъ нѣсколько рабочихъ предмѣстій такихъ огромныхъ городовъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ и вынесъ впечатлѣніе, что рабочіе дошли до послѣдней границы отчаянія. Ни на что не надѣются, ничего не ждутъ и равнодушно несутъ бремя жалкаго рабьяго существованія. А съ потерей вѣры въ жизнь, съ крушеніемъ надеждъ на лучшее будущее, у рабочихъ явилось полное равнодушіе къ собственнымъ страданіямъ и они уже не протестуютъ противъ лжи, насилія и обмана. Въ прошломъ у нихъ — тяжелый кошмаръ огня и крови, въ будущемъ — нищета и страхъ голодной смерти. И несмотря на все это рабочіе ни о чемъ не заботятся, ничего не предпринимаютъ, а съ какимъ то остервененіемъ пьютъ водку и, что называется — „не мытьемъ, такъ катаньемъ“ изводятъ другъ друга.—„Погибать, такъ всѣмъ!“— вотъ „лозунгъ“ современнаго „пролетаріата“. Какъ сыну народа и рабочему, мнѣ больно это писать, я страстно желалъ бы, чтобы этого не было, но тѣмъ не менѣе рабочій классъ разлагается. Развѣ не о разложеніи говорятъ эти ежедневныя драки „на ножахъ“ въ рабочихъ кварталахъ, эти ночныя убійства, насилія, разбои? Мнѣ извѣстно нѣ-

сколько рабочихъ семей, въ которыхъ мужья и отцы посылаютъ на гнусный промыселъ своихъ женъ и дочерей, а сами бездѣльничаютъ и пьянствуютъ. Я знаю случаи, когда степенные и порядочные крестьяне, переселившись изъ деревни въ городъ, съ земли въ каменныя коробки, теряли человѣческій обликъ и до того наполняли сердца свои злобой, что убивали не только чужихъ, но и родныхъ братьевъ, отцовъ, матерей. Вотъ до чего доводитъ интеллигентская цивилизація, вотъ до чего доводитъ проклятый городъ!

Развѣ мыслимо подобное озвѣрѣніе и отчаяніе въ деревнѣ, на землѣ, развѣ человѣкъ, живущій въ деревнѣ, опустится до „дна“? Хулиганы и босяки возможны только въ городѣ, гдѣ нѣтъ простору человѣческой волѣ, человѣческой мысли. А въ деревнѣ есть выходъ и волѣ, и мыслямъ, и правдѣ Уже теперь крестьяне прозрѣли интеллигентскую ложь и заря новой жизни, жизни среди цвѣтовъ и хлѣбныхъ злаковъ загорается для нихъ. Они видятъ эту зарю и имъ нечего кончать жизнь самоубійствомъ: счастье и радость ихъ впереди. У тѣхъ же, кого засосалъ городъ — нѣтъ зари, нѣтъ надеждъ — и не будетъ. Понятно, имъ остается только одно: превратить свою нелѣпую жизнь. Замѣтьте, что въ продолженіе года въ деревняхъ всей Россіи можетъ быть, наблюдалось не больше пяти-десяти самоубійствъ, и это — среди нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ населенія. А въ городахъ въ это самое время кончали жизнь тысячи людей. Въ одномъ Петербургѣ покончили съ собою около двухъ тысячъ и число самоубійствъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

Страшно становится. Интеллигентовъ не пронимаетъ даже смерть живыхъ братьевъ, живыхъ

людей. Какъ ни въ чемъ не бывало, разъѣзжаютъ онѣ по ресторанамъ, по театрамъ, въ то время, когда кругомъ изстрадавшіеся живые люди говорятъ имъ своими самоубійствами: „помните, что совѣсть не сейчасъ, такъ послѣ смерти потребуетъ отчетъ отъ васъ за пользованіе чужимъ трудомъ и чужимъ счастьемъ“. Но интеллигенты не хотятъ слышать этого голоса предсмертнаго. Человѣкодавы, развѣ они чутки къ чужому горю и чужому страданію?

Только немногіе изъ нихъ способны внять голосу своей совѣсти и отказаться отъ личнаго счастья, видя, какъ много несчастья вокругъ. Когда Л. Н. Толстой чуть ли не покушается на самоубійство отъ невыносимаго счастья въ періодъ его писательскаго успѣха и страстной любви къ женѣ, когда молодые люди — студентъ и артистка въ Харьковѣ выпиваютъ смертельный ядъ только потому, что они „безумно счастливы“, какъ они пишутъ въ запискѣ — развѣ не совѣсть говоритъ въ чуткихъ и незапятнанныхъ еще человѣческой ложью, душахъ? Счастье отравлено не счастьемъ другихъ, а такъ какъ близкой зари, надежды на то, что счастливы будутъ всѣ — у честныхъ неисковерканныхъ натуръ нѣтъ, — они умираютъ отъ собственной руки. Ибо, они не могутъ наслаждаться счастливой жизнью, когда видятъ, что кругомъ страданіе. Тщетно стремятся они искупить свой грѣхъ, найти истинный путь, но рѣдко кто его находитъ, а большинство, не перенося поруганій надъ душой, пускаютъ пулю въ лобъ или пьютъ ядъ, напоминая этимъ интеллигенціи о ея долгѣ передъ совѣстью.

Интеллигентская ложь умерщвляетъ двѣ категоріи людей: людей-совѣсти — представителей

той же интеллигенціи, — и людей правды — сыновъ народа.

Пока дѣти земли находятся среди полей и лѣсовъ, они все-таки чувствуютъ радость жизни, видятъ зарю новаго счастья, знаютъ правду, которая покоритъ интеллигентскую ложь; но едва они переходятъ въ городъ, какъ интеллигентская пошлость отравляетъ ихъ души и они убѣждаются, что не въ силахъ побѣдить опутавшую ихъ мерзость запустѣнія.

Въ молодую душу народную впивается вампиръ, но она вырывается изъ цѣпкихъ когтей его и уходитъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій.

Слава смѣлымъ, послушавшимъ голоса своей совѣсти и кровью своею запечатлѣвшимъ любовь къ правдѣ, вѣчный позоръ трусамъ, питающимся ложью и неспособнымъ умереть съ честью!

Народныя силы гибнутъ въ городахъ даромъ, ибо все, что даетъ городъ хорошаго — достается только богатымъ и образованнымъ. Богачамъ и интеллигентамъ рабочій строитъ дворцы, музеи, школы, храмы искусства, работаетъ для нихъ на фабрикахъ и заводахъ, въ типографіяхъ и конторахъ, а самъ свѣта Божьяго не видитъ!

Терпитъ лишенія и крестьянинъ, но зато онъ вѣчно юнъ и свѣжъ, зато какимъ восторгомъ наполняетъ душу его созерцаніе цвѣтовъ, солнца и звѣздъ, отъ которыхъ городъ отдалилъ рабочихъ.

Чую я, что конецъ царству лжи, и смерти, и отчаянія близокъ. Народу, выросшему среди природы и чувствующему всю красоту мірозданія глубоко противна мысль о самоубійствѣ, и если онъ принужденъ налагать на себя руки, то въ этомъ виноваты лже - интеллигенты, сманившіе

народъ въ города, чтобы высасывать изъ него здѣсь послѣдніе соки, и опутавшіе правдивыя натуры сѣтью хитросплетеннаго обмана.

Народъ опомнится и увидитъ, что съ нимъ сдѣлали интеллигенты. Съ презрѣніемъ онъ отвергнетъ жалкія подачки ихъ въ видѣ объѣдковъ жизни, броситъ проклятые рынки міра и уйдетъ на просторъ степей, къ цвѣтамъ и солнцу.

Святая святыхъ.

Святая святыхъ.

У русскаго народа есть святая святыхъ — это его литература.

Издревле въ глубинѣ народной слагались сказанія, думы, былины, пѣсни; они горѣли самоцвѣтными камнями, свидѣтельствуя о красотѣ и многогранности народнаго духа. Въ думахъ и пѣсняхъ, какъ въ зеркалѣ отразилась поэтическая, мечтательная душа русскаго народа и эти думы и пѣсни онъ хранилъ, какъ святыню, какъ свой драгоцѣнный кладъ.

Но пришла интеллигенція и заполонила народное творчество.

Началось это съ петровской эпохи, когда выразителями русской народной мысли были нѣмцы и „европеизованные" интеллигенты. Родная рѣчь, бытъ, народные идеалы были въ страшномъ загонѣ: говорили въ большинствѣ случаевъ на иностранныхъ языкахъ, во всемъ поступали по готовому западному шаблону. Русскому національному достоянію — народному духу, языку, будущему развитію литературы грозила гибель. Гораздо позднѣе, въ русскомъ обществѣ произошелъ переворотъ въ пользу національнаго творчества.

Первымъ провозвѣстникомъ русской идеи былъ сынъ народа, Ломоносовъ, возмущавшійся насмѣшками и глумленіемъ иностранцевъ надъ Россіею и высоко цѣнившій родной народъ. Онъ не побоялся сказать окружавшимъ его иностранцамъ: я русскій и служу только русскому народу. Этимъ онъ ука-

залъ путь, грядущимъ поколѣніямъ, къ національному творчеству. Говорю указалъ, ибо въ тогдашней литературѣ все таки преобладали чужестранныя вліянія, и Ломоносовъ не могъ освободиться отъ нихъ, вѣроятно, потому, что литературой онъ занимается мало и считалъ ее второстепеннымъ занятіемъ послѣ научной дѣятельности.

Только геній Пушкина могъ прозрѣть всю ложность и ничтожество тогдашней антихудожественной, потому что антинаціональной и неискренней литературы.

Пушкинъ возсоздалъ народную словесность, отшлифовалъ творчество народа, показалъ душу его во всемъ ея блескѣ и великолѣпіи. За великимъ поэтомъ послѣдовали почти всѣ русскіе писатели, до Толстого и Достоевскаго. Можно не обинуясь сказать, что русская литература, занимающая теперь среди міровыхъ литературъ первое мѣсто, раздѣляется на два періода: народное творчество и пушкинско-толстовскій періодъ, при которомъ не создавалась новая, интеллигентская словесность, а лишь развивалась и отчеканивалась словесность старая, народная. Ибо, тотъ, кто писалъ на языкѣ, созданномъ народомъ, кто пользовался народными фантазіями и сказками, кладя ихъ въ основу своихъ произведеній — не былъ интеллигентомъ, а его литература была не интеллигентской, но народной. Ее то въ буквальномъ смыслѣ слова только и можно называть литературой, а все вредное и наносное, всѣ эти Кузьмины, Ауслендеры и прочіе стилизаторы — это уже не литература, это — скудное и вялое ителлигентское измышленіе.

Такимъ образомъ настоящая русская литература, независимо отъ того, кто является ея отдѣль-

ными представителями, чистокровные ли русскіе или не вполнѣ русскіе и даже инородцы — есть плоть отъ плоти русскаго народа и поистинѣ великъ народъ, создавшій эту литературу!..

Но, какъ оказывается, русскую литературу, русскій языкъ создавалъ не русскій народъ, а... иностранцы.

Объ этомъ открыто говорятъ въ интимныхъ кругахъ сами писатели. Они утверждаютъ, что русская словесность создавалась представителями какой угодно народности, только не русской. Языкъ нашъ отшлифовывали будто бы тоже иностранцы, такъ какъ до петровской эпохи у насъ не умѣли говорить, а не только писать на своемъ языкѣ.

И теперь, будто бы, вся молодая литература создана людьми нерусскими.

Зайдите въ любой литературный кабачекъ, въ любую редакцію, на любой литературный вечеръ и вы, послѣ разговора о томъ или иномъ писателѣ, услышите неизмѣнный вопросъ: „А кто онъ — русскій или нѣтъ?“ и готовый отвѣтъ какого нибудь литературнаго Бобчинскаго: „Конечно нѣтъ, а вы до сихъ поръ и не знали?“ или: „по происхожденію — татаринъ“, и это вездѣ и всегда.

Да что разговоры въ литературныхъ кружкахъ — прочтите какой нибудь „Литературный фельетонъ“ или „календарь писателя“, гдѣ отъ времени до времени пишется: такой-то писатель, по происхожденію — татаринъ, а такой то — французъ и вы придете поневолѣ къ убѣжденію, что русская литература, въ сущности иностранная литература.

Слушая разговоры о „происхожденіи“ писателей, читая литературныя лѣтописи и т. д., вспоминаешь и одну, теперь, впрочемъ, совершенно

забытую книжку подъ названіемъ: „Нерусская кровь въ русскихъ писателяхъ“.

Въ ней составитель пытается продѣлать то же, что продѣлываютъ теперь литературные Бобчинскіе и Добчинскіе, а именно, что русская литература — созданіе не русскаго народа, а иностраннаго. Въ доказательство своего „вывода“ составитель книжки приводитъ матеріалы, изъ которыхъ явствуетъ, что всѣ русскіе писатели — да не только писатели, но профессора, общественные дѣятели и судебные ораторы, ни больше, ни меньше, какъ татары, евреи, поляки, нѣмцы французы, итальянцы.

Съ откровеннѣйшимъ цинизмомъ утверждается, что „въ Россіи отражателями народной жизни, выразителями народной мысли, глашатаями великихъ истинъ, будителями направленій и хорошихъ чувствъ, проповѣдниками идей являются люди нерусскіе“, при чемъ старательно розыскивается сомнительная „иноплеменная“ кровь во всѣхъ выдающихся русскихъ людяхъ: въ Державинѣ, Карамзинѣ, Радищевѣ, Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Баратынскомъ, Жуковскомъ, Гоголѣ, Огаревѣ, Герценѣ, Некрасовѣ, Фетѣ, Толстыхъ, Тургеневѣ, Писаревѣ, Салтыковѣ, вплоть до Бальмонта и Андреева. Не только этихъ столповъ русской литературы, но и рядъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей составитель книжки считаетъ иностранцами. Это даже глупо. Хотя бы одного слѣдовало оставить на долю русскаго народа, а то такъ-таки всѣ и затащены въ инородцы! Ловко?

Книжка показалась бы только смѣхотворной, если бы въ ней не таилось скрытой, но сознательной провокаціи. Маленькая обмолвка: „отпюдь...

не вредя... славѣ русскаго народа": — выдаетъ составителя съ головой.

Отнюдь не вредя! Для чего же и написана книжка, какъ не для сознательнаго оклеветанія русскаго народа? Вѣдь, съ какой-либо цѣлью да издавалась же книжка! А цѣль — та, чтобы убѣдить міръ, что народъ русскій—бездарный народъ, такъ какъ даже литература — его единственное достояніе и гордость—создана инородцами.

Какъ въ „обществѣ", такъ и въ „печати" развѣнчиваніе русскаго народа дѣлается исподволь, замаскированно подъ тѣмъ предлогомъ, что „кровь" и „происхожденіе" писателя служатъ ключемъ къ разгадкѣ его произведеній, но на самомъ дѣлѣ, отыскивая иноплеменную кровь въ томъ или иномъ писателѣ, интеллигентная публика силится доказать, что русская литература создана добрыми иностранцами. Напрасно вы будете доказывать ей, что имѣть въ числѣ своихъ предковъ „иноплеменца" или происходить отъ какой-либо не русской народности еще не значитъ быть „иноземцемъ", что писатель не русской народности съ того момента, когда онъ начинаетъ писать на русскомъ языкѣ, становится русскимъ и только русскимъ. Интеллигентная публика не повѣритъ вамъ и будетъ доказывать, что у русскаго народа нѣтъ дара и что всѣ русскіе писатели — иноплеменцы, т. е. иностранцы.

Но мнѣ просто не интересно знать, дѣйствительно ли были въ числѣ предковъ писателей «иноплеменцы» или они только „притянуты за волосы". Пусть и были. Вѣдь не важно то, кто предки писателя, а то важно, кто сами были эти писатели. А они были русскіе и только русскіе если не по крови, то по духу, ибо втайнѣ, но

любили свою родину, свой народъ пламенной любовью. Да наконецъ если въ цѣломъ потомствѣ писателя и замѣшался какой-нибудь инородецъ, такъ развѣ здѣсь можетъ быть рѣчь о „нерусскомъ“ происхожденіи писателя? Вѣдь я знаю, всѣ мы знаемъ, что величайшіе писатели—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій, Тургеневъ — плоть и кровь русскаго народа. А между тѣмъ въ „литературныхъ“ кружкахъ, особенно въ послѣднее время, настойчиво утверждаютъ, что весь цвѣтъ современной литературы и литературы минувшей состоитъ и состоялъ изъ иностранцевъ. Ясно, что это провокація. Отчего же никто не заклеймитъ ее достойнымъ образомъ? Но развѣ можно ждать этого отъ нашей интеллигенціи, тупой и насквозь прогнившей? Она вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія и взгляды «литературныхъ» кружковъ. Она „интернаціональна“ и непремѣнно требуетъ, чтобы каждый писатель имѣлъ въ числѣ своихъ предковъ по нѣскольку иностранцевъ, а если таковыхъ не окажется, то ихъ надо выдумать. И выдумываютъ, а для интеллигента инородческое происхожденіе писателя — своего рода аттестація. Идетъ въ магазинъ, спрашиваетъ: такой-то изъ татаръ или изъ русскихъ? Читаетъ замѣтку о писателѣ, ищетъ: а кто онъ по происхожденію? И вездѣ получаетъ успокаивающій его отвѣтъ: будьте покойны, писатель самый что ни на есть настоящій, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ инородцевъ въ числѣ своихъ предковъ имѣетъ.

Такъ называемая критика также старается не отставать отъ «литературныхъ» кружковъ и съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, отыскиваетъ въ разбираемомъ писателѣ «нерусскую» кровь.

Вѣроятно, сообразуясь съ «кровью», критики проявляютъ къ писателямъ свои симпатіи и антипатіи. Конечно же, они дѣлаютъ видъ, что происхожденіе писателя ихъ не интересуетъ, но сознательно или безсознательно отдаютъ предпочтеніе тому изъ равныхъ писателей, который насчитываетъ въ числѣ своихъ предковъ представителей другихъ народностей.

Право, можно подумать, что интересъ къ Максиму Горькому палъ послѣ того, какъ у интеллигентовъ рухнула окончательно надежда отыскать въ его родословной хотя бы одного татарина. Иначе, чѣмъ объяснить убійственное равнодушіе къ недавнему кумиру? Тѣмъ что Горькій будто бы «исписался»?.. Но, вѣдь, его «Исповѣдь», гораздо значительнѣе всѣхъ его остальныхъ произведеній и ужъ, конечно, неизмѣримо выше какого-нибудь „Санина" или пресловутой „Ямы". Однако фактъ тотъ, что интересъ къ Горькому совсѣмъ ослабѣлъ, какъ это отмѣчаютъ съ нескрываемымъ злорадствомъ „критики" и репортеры. Успѣхъ имѣютъ только «татаризованные» писатели, а также тѣ изъ русскихъ, которые въ своихъ произведеніяхъ возводятъ на русскій народъ чудовищную клевету. Таковъ Ѳедоръ Сологубъ (Тетерниковъ), авторъ гнуснаго «Мелкаго бѣса».

Но въ народномъ сознаніи, да и въ общепринятомъ пониманіи писатели должны принадлежать только къ той народности, на языкѣ которой они пишутъ. Кромѣ того, произведенія ихъ должны носить національный характеръ. Это такъ и было, пока въ русскую литературу не проникли провокаторы, т. е. представители «татарской-народности» вродѣ Куприна, Арцыбашева и др.

Теперь отношеніе большинства литераторовъ къ народу и его идеаламъ стало поистинѣ татарскимъ, а что ужъ говорить о томъ, какія „національныя“ черты русскаго народа «отражаютъ» они въ своихъ произведеніяхъ! Все низменное, все пошлое и гадкое—находитъ отраженіе въ современной литературѣ и за это критика ее хвалитъ, стараясь навести на мысль, что таковъ именно и есть русскій народъ, какимъ его изображаютъ современные литераторы. А интеллигентной публикѣ это то и надо.

Поневолѣ приходится вѣрить, что „въ потомкахъ, какъ бы они иной разъ не хотѣли скрыть, сохраняется то та, то другая мелкая, но характерная черта ихъ предковъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ выступающая явственно въ характерѣ, темпераментѣ, наклонностяхъ», но по моему больше всего—въ провокаціи.

Удивительно, какъ это не замѣчаютъ и поддаются на провокацію нѣкоторые выдающіеся наши писатели. Или они это дѣлаютъ сознательно, стараясь угодить «интернаціональному» интеллигенту, идя съ нимъ за одно и, слѣдственно, тоже занимаясь провокаціей? Не знаю, но судя по всему, наши писатели далеко не ушли отъ «интеллигентовъ».

Бальмонтъ, напримѣръ, считаетъ себя одновременно потомкомъ и татаръ, и литовцевъ, и нѣмцевъ, и французовъ, только не русскихъ. Но больше всего, онъ очевидно тяготѣетъ къ татарамъ. Недавно онъ писалъ: „посвящаю эти стихи моей матери, чей предокъ — Бѣлый Лебедь Золотой орды!! Предокъ, а какой — неизвѣстно. Со времени татарскаго ига прошло болѣе 400 лѣтъ, а Бальмонтъ считаетъ себя потомкомъ „Бѣлаго

Лебедя Золотой Орды". Не курьезно ли? Бѣлый Лебедь Золотой Орды—явная выдумка, а между тѣмъ спорить съ Бальманомъ не приходится. Что подѣлаешь — татаринъ.

О своемъ татарствѣ что то такое говорили почти всѣ писатели.

— Я татаринъ! превозглашаетъ Арцыбашевъ въ своей автобіографіи.

— Татаринъ, конечно татаринъ!.. пишетъ, захлебываясь, г. Пильскій о Купринѣ—своемъ патронѣ.

— И я!.. и я!.. и я—татаринъ!.. бѣжитъ вслѣдъ за ними Анатолій Каменскій, напоминая рыжаго изъ андреевской „Бездны".

О своемъ татарскомъ происхожденіи русскіе писатели сообщаютъ съ какой то гордостью; наоборотъ, о томъ, что въ ихъ жилахъ течетъ „смѣсь" русской крови, они упоминаютъ вскользь, видимо, съ великой неохотой, какъ будто имъ стыдно признаться въ этомъ. Странно, однако, что всѣ эти татары пишутъ на русскомъ языкѣ, а не на своемъ національномъ.

Но смѣхъ смѣхомъ, а шутки въ сторону. Не смѣшно, а больно. Больно потому, что—какіе же татары Андреевъ, Купринъ, Бальмонтъ, Короленко! А между тѣмъ всѣ они изъ кожи лѣзутъ, оспаривая другъ у друга честь „татарскаго происхожденія". Впрочемъ, писатели тутъ не виноваты. Виновата наша продажная интеллигенція, которая до того обезличилась, что считаетъ за позоръ именоваться русской. Она увлекла за собой писателей, она же и насмѣялась надъ ними, мысленно говоря: „смотрите, даже писатели, соль земли, открещиваются отъ русскаго имени, ибо что можетъ быть хуже сознанія, что ты русскій, стало

быть варваръ и хамъ. А намъ и подавно слѣдуетъ возненавидѣть это имя".

Не дай Богъ, если вы назовете писателя или художника русскимъ — васъ заподозрятъ въ черносотенствѣ и вы погибли. Наоборотъ, если вы назовете этого писателя или художника татариномъ, даже если бы онъ былъ коренной русскій, васъ расхвалятъ за наблюдательность и при этомъ добавятъ: „всѣ выдающіеся люди — не русскіе, это аксіома".

Положительно, не знаешь, чему удивляться: провокаціи ли „интеллигентовъ" или невѣжеству писателей. Арцыбашевъ, напримѣръ, считаетъ очень важнымъ, что онъ татаринъ и что въ его жилахъ течетъ смѣсь крови французской, польской и т. п. Положимъ, біографіей Арцыбашева врядъ ли кто станетъ интересоваться, ибо произведенія его мало еще говорятъ намъ, но Купринъ, Андреевъ, Бальмонтъ и цѣлый рядъ другихъ писателей — неужели и у нихъ не хватаетъ мужества называть себя русскими? Какой позоръ!

Не хотѣлось бы вѣрить, но очевидно, большинство писателей нашихъ преднамѣренно презираютъ свою родину, очевидно они сознательно клевещутъ на русскій народъ, когда изображаютъ его развратнымъ и звѣроподобнымъ, глупымъ и пошлымъ, дикимъ и безсмысленнымъ. Прочитайте повѣсти Кузьмина, „Мелкій бѣсъ" Сологуба, рядъ разсказовъ, изображающихъ народъ погромщикомъ и истязателемъ—и вы убѣдитесь въ этомъ.

Современные писатели въ оправданіе себя приводятъ ходячее утвержденіе, будто въ русскомъ народѣ нѣтъ положительныхъ типовъ и будто „всегда и вездѣ такъ бываетъ", что русскимъ писателямъ удаются только отрицательные

типы, ибо Россія—это сплошная мертвецкая. Но развѣ это не клевета? Это въ русскомъ-то народѣ нѣтъ положительныхъ типовъ, въ русскомъ народѣ, богатомъ творческимъ духомъ, правдой, красотой и поэзіей! Это Россія-то — сплошная мертвецкая, Россія, съ ея необозримыми лѣсами, съ цвѣтущими садами и со степями, полными опьяняющихъ запаховъ, съ ея дѣвушками-русалками и юношами-витязями!

Нельзя, конечно, писателя заставить писать о томъ, что ему непонятно и чего онъ не въ состояніи постичь, ибо онъ пишетъ только о близкомъ, родномъ, а это близкое и родное ему, очевидно, можетъ быть только пошлое и низменное, но, право, иногда кажется, что нѣкоторыя произведенія русскихъ писателей—это не художественная литература, какъ ихъ аттестуютъ „критики", а какая-то чудовищная клевета на русскій народъ, какая то колоссальная провокація.

Но повѣримъ нынѣшнимъ сочинителямъ и допустимъ на минуту, что у нихъ положительные типы не удаются, потому что русскій народъ — больной и глупый народъ, что, вообще, творчество—непостижимая тайна, и, создавая своихъ героевъ гадкими и пошлыми, современные писатели являются, такъ сказать, безсознательными клеветниками русского народа. Однако, отчего же свѣтлыя и благородныя натуры создавались прежними писателями, а не гнусныя и отвратительныя, какія создаются теперь? Почему въ новѣйшей литературѣ нѣтъ такихъ типовъ, какъ Тарасъ Бульба Гоголя, Алексѣй Карамазовъ и другіе герои Достоевскаго, толстовскіе и тургеневскіе герои, но есть какіе-то выродки? Слова нѣтъ, были отрицательные типы и у старыхъ писателей,

но у нихъ они всегда занимали второстепенное мѣсто, при томъ же у нихъ они не были такъ чудовищно глупы и пошлы, какъ у современныхъ повѣствователей.

Да и кромѣ того, прежніе писатели идеализировали русскій народъ въ своихъ публицистическихъ произведеніяхъ, высоко ставя его трудолюбіе, умъ и природную сметку; современные же сочинители не только не хвалятъ русскій народъ въ статьяхъ, но стараются облить его ушатами помоевъ, а любовь къ родинѣ считаютъ предразсудкомъ и глумятся надъ роднымъ народомъ, раболѣпствуя въ то же время передъ другими народностями.

Всѣ еще помнятъ, какъ въ журналахъ и газетахъ величали крестьянъ и рабочихъ холопами и трусами. А почему? Да просто потому, что интеллигенты—эти ночныя совы, ненавидятъ грядущую зарю—молодой, не тронутый тлѣніемъ народъ и клевещутъ на него, какъ могутъ.

Когда видишь подобное глумленіе надъ всѣмъ роднымъ, дорогимъ и близкимъ со стороны современныхъ литераторовъ, — невольно соглашаешься, что они, дѣйствительно татары, при томъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Ибо издѣвательство надъ своей народностью, которой обязанъ всѣмъ, допустимо только со стороны азіата, но не культурнаго человѣка.

Вѣдь, всѣхъ: и интеллигентовъ, и писателей, и капиталистовъ кормитъ и охраняетъ отъ нашествія монголовъ или просвѣщенныхъ европейцевъ народъ, вѣдь, языкъ, которымъ пользуются всѣ: и писатели и поэты и ораторы созданъ русскимъ народомъ, такъ пусть же всѣ носятъ это имя съ гордостью! Его не стыдились носить Пушкинъ,

Гоголь, Достоевскій. И сознаніе, что Русь явила міру такихъ титановъ мысли и духа, было утѣшеніемъ для народа, это было какъ бы данью за-то духовное богатство, которымъ народъ надѣлялъ своихъ великихъ сыновъ.

Да и сейчасъ, развѣ не тѣмъ же богатствомъ русскаго народнаго духа одарены Толстой, Горькій, Андреевъ, Купринъ, Бальмонтъ, Брюсовъ и Вячеславъ Ивановъ, Мережковскій, развѣ красоту и силу языка черпаютъ они не изъ той же сокровищницы — народной рѣчи, изъ которой черпали Пушкинъ и Гоголь?

Пушкинъ всѣ сюжеты для своихъ поэтическихъ произведеній, всѣ образныя слова заимствовалъ у крестьянокъ да у московскихъ просфорницъ. Пользовался народными сказкамо и Гоголь.

А современные писатели—развѣ они не пользуются народными фантазіями для своихъ произведеній, развѣ они не берутъ у народа мѣткія слова, выраженія, выдавая все это за „свое“?

Писатели-интеллигенты, за рѣдкимъ исключеніемъ грабятъ духовное богатство народа, берутъ у него душу его, языкъ; народъ отдаетъ все, какъ сказочный богачъ не жалѣя и за это, кромѣ презрѣнія, ничего не получаетъ.

Но если интеллигенты презираютъ народъ — ибо въ глубинѣ души они его презираютъ—если имъ зазорно носить русское имя — пусть тогда грязныя руки ихъ не суются въ кристальную душу народную, пусть они говорятъ и пишутъ на своемъ интеллигентномъ жаргонѣ, но не оскверняютъ своимъ прикосновеніемъ святая святыхъ народа — его языка и мысли.

О русской сокровищницѣ.

О русской сокровищницѣ.

Вѣдь, знаютъ же «интеллигенты», не должны не знать, что народъ привыкъ считать родной языкъ священнымъ, почему же у нихъ нѣтъ просто добросовѣстнаго отношенія къ этому языку, почему въ ихъ писаніяхъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія слова и выраженія, которыхъ на русскомъ языкѣ не существуетъ вовсе. Не говоря уже о вопросахъ отвлеченнаго характера, разобрать которые будто-бы трудно безъ чрезмѣрнаго употребленія иностранныхъ словъ и сложныхъ оборотовъ — хотя я этому не вѣрю, потому что русскій языкъ одинаково пригоденъ какъ для выраженія тончайшихъ душевныхъ переживаній, такъ и для глубокихъ размышленій, — но и о простомъ происшествіи газетные писатели не могутъ выражаться на чистомъ русскомъ языкѣ.

Я не стану приводить, въ доказательство этихъ выводовъ, выдержекъ изъ газетныхъ статей, написанныхъ характернымъ „интеллигентскимъ" слогомъ. Это каждый изъ насъ знаетъ и объ этомъ не разъ уже писалось. Скажу только, что и сами статьи озаглавливаются такими словами, которыхъ на тощакъ и не выговорить. Въ послѣднее время столичныя газеты дошли въ этомъ отношеніи до „геркулесовыхъ" столбовъ. Беру любой номеръ столичной газеты; читаю: „Старые трафареты и новая интеллигенція" „Во фракціяхъ", „Имперіализмъ въ Бельгіи", „Антисемитизмъ въ украинофильской прессѣ", „Безъ принципа", „Идеологи

буржуазіи“ и т. д., всего не перечтешь. Беру номера провинціальной газеты — то же самое: «Новые симптомы», «Ликвидація прогрессивныхъ предпріятій» и т. д., безъ конца. Въ націоналистическія газеты вродѣ «Новаго Времени» я уже не заглядываю, потому что изъ опыта знаю, что въ нихъ статьи иногда озаглавливаются даже иностранными буквами. И если господа газетные писатели ужъ статей своихъ не могутъ назвать по-русски, то можно себѣ представить, что въ этихъ статьяхъ! Тамъ и «диференціація», и «трансцендентный», и чертъ знаетъ что! Похоже на то, будто газетные сочинители, подобно чеховскому телеграфисту, «хочутъ свою образованность показать» и пустоту мысли замѣняютъ гладкимъ слогомъ, или, какъ теперь выражаются «стилемъ».

Неужели большинство интеллигентовъ не можетъ писать на подлинномъ русскомъ языкѣ? Очевидно, что такъ: прислушайтесь, даже въ разговорѣ интеллигентъ не обходится безъ того, чтобы не пересыпать свою рѣчь иностранными словами! А что ужъ распространяться о томъ, какъ онъ пишетъ. Неудивительно поэтому, что въ этихъ писаніяхъ не въ силахъ разобраться не только простолюдинъ, но и сравнительно образованный человѣкъ, напримѣръ, учитель, священникъ. Вѣдь, надоѣстъ каждый разъ въ словарѣ справляться!

Въ настоящее время крайне важнымъ вопросомъ является исправленіе русскаго языка. При академіи наукъ существуетъ разрядъ изящной словесности, но для чего онъ существуетъ, никому неизвѣстно. Между тѣмъ прямая обязанность господъ академиковъ выступить въ защиту родного языка, воспретивъ употребленіе иностранныхъ словъ въ русской рѣчи, иначе, вѣдь, черезъ нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ Пушкина придется переводить на ново-русскій языкъ.

Но прежде всего интеллигенція сама должна взяться за очищеніе русскаго языка. Этого можно достигнуть, создавъ народную печать. Въ ней всѣ должны писать языкомъ Пушкина и Толстого, одинаково понятнымъ какъ для философски мыслящаго человѣка, такъ и для простолюдина.

Лѣтомъ прошлаго года мнѣ пришлось бывать въ Курской и Орловской губ., гдѣ я встрѣчалъ лѣвыхъ крестьянъ, читающихъ «Свѣтъ», «Московскія Вѣдомости» и другія правыя газеты.

— Какъ вамъ не совѣстно читать черносотенныя газеты! — упрекнулъ я однажды молодого крестьянина.

— А не понимаемъ мы ни шиша въ лѣвыхъ газетахъ! съ обидой отвѣтилъ онъ, — я всѣ мозги повыворочалъ, читавши ихъ. На каждой строкѣ, почитай, непоятное слово. А я, хоть ты меня тутъ убей, не выговорю его и въ три дня! Правда, попадаются хорошіе разсказики и статейки, любо читать, но это рѣдко, а больше такая ахинея, что, думается, и тотъ не пойметъ, кто ее писалъ...

Крестьянинъ былъ вполнѣ правъ и мнѣ осталось только посовѣтывать лучше не читать никакихъ газетъ, ибо черносотенныя газеты это ядъ, отравляющій сознаніе современной деревни.

Не мало мнѣ приходилось слышать жалобъ, на искаженіе языка и отъ людей образованныхъ. Всѣ они въ одинъ голосъ возмущались излишнимъ употребленіемъ въ русской рѣчи иностранныхъ словъ и заявляли, что писать такъ не только безсовѣстно, но и преступно.

Созданіе печати, въ которой должны объединиться писательскія силы на почвѣ служенія на-

роду какъ разъ является своевременнымъ. Если современные интеллигенты желаютъ поучать народъ, пусть они выучатся его языку и на этомъ языкѣ пишутъ, а не оправдываются, что безъ иностранныхъ словъ и сложныхъ оборотовъ нельзя выражать мыслей, ибо это клевета на прекрасный свободный и могучій русскій языкъ.

Онъ идетъ.

Онъ идетъ.

I.

Когда мнѣ говорятъ, что народъ своей свободой, своимъ самосознаніемъ обязанъ исключительно интеллигенціи, которая ратуетъ за угнетенныхъ и по справедливости называется «поборницей народныхъ идеаловъ» — я не вѣрю этому. Никакой самостоятельной помощи интеллигенція не подала народу, никакой пользы она ему не принесла, а если и принесла, то очень незначительную. Народъ самъ боролся за лучшую жизнь, самъ ковалъ себѣ счастье. Вмѣшательство интеллигенціи въ вѣковой споръ между сильными и слабыми, между угнетенными и угнетателями только тормозило дѣло освобожденія народа отъ тиранніи. Ибо въ то время, когда народъ задыхался подъ ярмомъ безправія и гнета, терялъ послѣднія силы, интеллигенція не возставала, смѣло и открыто противъ этого, у нея не было готовности жертвы народу и она ограничивалась лишь безплодными попытками пробудить совѣсть у тиранновъ. А какъ только въ народѣ накоплялся горючій матеріалъ, на сценѣ появлялась интеллигенція и, вступая въ переговоры съ угнетателями, добивались незначительныхъ облегченій для народа, а облегченія эти служили той отдушиной, которая предотвращала взрывъ народнаго гнѣва и, слѣдовательно, мѣшала полному освобожденія угнетенныхъ.

Декабристы, духовными наслѣдниками которыхъ считаютъ себя всѣ нынѣшніе «демократы» и «интеллигенты», боролись не за народную свободу, а за свою собственную. Имъ нужна была конституція, имъ нужна была власть надъ народомъ и вліяніе въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, а не освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не всеобщее народное образованіе, какъ обманывали въ свое время себя декабристы и какъ говорятъ объ этомъ теперь историки. Не даромъ же руководители «Южнаго» и «Сѣвернаго» комитетовъ двадцатыхъ годахъ были князья да графы: они соскучились по власти, имъ нельзя было заниматься политикой и дѣлать карьеры на общественно-политическомъ поприщѣ, поэтому они и задумали достигнуть этого силой — опять таки при помощи народа — солдатъ, которые, въ сущности не расцвѣли бы и при конституціи, какъ не расцвѣлъ бы и весь народъ.

Что мѣшало интеллигенціи двадцатыхъ годовъ дать свободу и землю своимъ крестьянамъ и заняться ихъ образованіемъ самолично? Вѣдь, у каждаго князя и графа сочувствующаго тогдашнимъ «гуманнымъ» идеямъ находились въ рабствѣ сотни тысячъ людей, на каждаго изъ этихъ князей и графовъ произвольно тратились сотни тысячъ денегъ, добытыхъ каторжнымъ народнымъ трудомъ однако, всѣ эти лже-гуманисты не позаботились объ обезпеченіи свободы находящимся у нихъ въ плѣну рабамъ, а прежде всего занялись добываніемъ собственной свободы, хотя, казалось бы, какая свобода имъ нужна была, разъ они свободны? Но у нихъ не хватало свободы тщеславія. Вотъ изъ за чего боролись декабристы: изъ за свободы тщеславія.

Изъ за такой, въ сущности, пустячной вещи не стоило идти на эшафотъ, въ сибирскіе рудники и принимать вѣнецъ мученичества, но таково свойство интеллигента: пожертвовать всѣмъ даже жизнью, своей собственной свободѣ да той идейкѣ, которая увлекла его и которую онъ считаетъ «своею», именно своею, иначе онъ не принесъ бы въ жертву ей ничего.

Когда же потребуется дань въ пользу народнаго блага, народнаго счастья и свободы, интеллигенты — бывшіе и настоящіе — скупятся на эту дань, хотя и клянутся что цѣль ихъ — народное благо. Но клянутся они, обманывая свою совѣсть. Цѣль ихъ не народное благо, а собственное благо. Такъ было, такъ будетъ. Иванъ Коляевъ убилъ великаго князя не ради достиженія народнаго блага, а потому, что московская цензура не позволяла ему писать забористыхъ статей въ московскихъ газетахъ, слѣдственно приносила огорченіе Коляеву, а не народу. Министра Боголѣпова убилъ студентъ, трижды исключенный изъ университета и рѣшившій отомстить министру за то, что онъ не вводилъ автономіи въ университетахъ. Скажите, что общаго между автономіей университетовъ и народнымъ благомъ? А между тѣмъ убійца Боголѣпова, убивая, глубоко былъ убѣжденъ, что приноситъ пользу всему русскому народу. Всѣ «демократы» и «интеллигенты» въ этомъ убѣждены. Я же думаю, что студенческіе безпорядки и, вообще участіе студентовъ въ освободительномъ движеніи обусловливались лишь стѣсненіемъ ихъ личной свободы, нарушеніемъ ихъ личнаго благополучія. Студентамъ ставили рамки, въ которыхъ они должны были проводить свою личную жизнь. А это имъ не нравилось.

«Не препятствуй моему нраву» — вотъ кличъ, объединившій студентовъ для борьбы съ ненавистными имъ старыми порядками и отдѣльными представителями этихъ порядковъ. Теперь уже студенты не будутъ дѣлать безпорядковъ, теперь они не выступятъ за «народныя права», потому что автономія университетовъ, хотя куцая, но есть, «нраву» никто не препятствуетъ и дипломы выдаютъ даже плохо учившимся студентамъ. Чего жъ теперь «бунтовать?» Отъ добра добра не ищутъ. Правда, народъ по прежнему голодаетъ и погибаетъ во тьмѣ и невѣжествѣ, но, вѣдь, студенты только тогда «свободолюбивы», когда стѣсняютъ въ чемъ либо ихъ самихъ. А при введеніи автономіи и представленіи свободъ — имъ некогда заниматься народнымъ дѣломъ, надо заниматься знаніями и... дипломами, чтобы потомъ легче было эксплоатировать темный народъ.

Нигдѣ такъ не эксплоатируетъ народъ интеллигенція и нигдѣ не давитъ его такимъ тяжелымъ бременемъ, какъ въ Россіи. Въ Россіи всѣ среднія и высшія учебныя заведенія существуютъ за счетъ низшихъ школъ. Короче говоря всѣ училища, заслуживающія этого названія предназначены у насъ только для интеллигентовъ. Народу достаются одни оглодки. Для народа было бы несравненно полезнѣе и желательнѣе, если бы число среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній у насъ уменьшилось вдвое, а взамѣнъ этого въ каждомъ селѣ выстроились бы образцовыя двухклассныя и трехклассныя школы. Это сдѣлано уже въ европейскихъ странахъ и въ Японіи, у насъ же учатъ на кровные народные гроши интеллигентскихъ олуховъ до тѣхъ поръ, покуда у нихъ волосы не

посѣдѣютъ, а народъ остается безъ образованія. Гдѣ же тутъ правда?

Іезуиты изъ „Вѣхъ", вродѣ Гершензона, объявляютъ теперь, что интеллигенція работала и трудилась только для народа, о себѣ же она не заботилась: „не жила даже эгоистически, не радовалась жизни, не наслаждалась свободно ея утѣхами", а потому этой интеллигенціи совѣтуется зажить „чувственно-волевою жизнью, запастись всѣми необходимыми средствами для эксплоатаціи народа и, бросивъ этотъ народъ, заняться „устроеніемъ своей личности" на тепленькомъ мѣстечкѣ. Какъ истый іезуитъ, Гершензонъ, дѣлая этотъ выводъ, говоритъ о немъ какъ объ истинѣ, не требующей доказательствъ: нужно забросить истины о благѣ народномъ, о любви къ ближнему, о подвижничествѣ, нужно стремиться въ высшія школы, пополнять свои знанія и жить только для себя и ни для кого больше, а народъ пусть самъ заботится о себѣ — вотъ сокровенныя мысли г. Гершензона въ его статьѣ: „Творческое самосознаніе".

Но интеллигенція такъ и дѣлала, г. Гершензонъ! Вы это прекрасно понимаете, но притворяетесь ничего не знающимъ. Нужно быть циникомъ, чтобы утверждать, что интеллигенція жила и живетъ для народа, а не для себя. Напрасно вы пишите также о себѣ (стр. 89) что народъ васъ „страстно ненавидитъ": тѣхъ господъ которые громогласно призываютъ всѣхъ и каждаго бросить народъ и заняться „устроеніемъ своей личности" народъ презираетъ, ибо они достойны не ненависти, а лишь презрѣнія.

Объ отошедшей интеллигенціи — интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ я не могу вспомнить иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, однако,

ошибочно было бы думать, что освобожденія крестьянъ добилась она. Крестьянство, прежде всего, само положило не мало силъ для своего освобожденія, и потомство знаетъ, кто имѣлъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостной зависимости — интеллигенція или народъ, „Записки ли Охотника“ Тургенева или крестьянскіе безпорядки. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что заступничество за народъ интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ было искренно и безкорыстно, чего нельзя сказать объ интеллигенціи нынѣшней. Правда, есть и въ ея средѣ люди самоотверженные, всецѣло отдавшіеся народу, но они составляютъ исключеніе, и рѣчь не о нихъ, а большинство теперешнихъ интеллигентовъ добивается свободы лишь постольку, поскольку стѣснена ихъ личная дѣятельность, ихъ личная жизнь.

Всѣ они умны, талантливы, но рѣдко кто изъ нихъ вѣренъ народному знамени и слово у нихъ противорѣчитъ дѣлу. Между тѣмъ, только ихъ въ настоящее время и величаютъ „поборниками народныхъ интересовъ и идеаловъ“, только за ними и считаются заслуги передъ народомъ.

Грѣшный человѣкъ, я ни какъ не возьму въ толкъ, чѣмъ собственно облагодѣтельствовала народъ интеллигенція нынѣшняго дня? Добилась равноправія, всеобщаго обученія, матеріальнаго обезпеченія для народа? Нѣтъ. Пошла на службу къ нему, занялись его духовнымъ развитіемъ? Тоже нѣтъ. Тогда, можетъ быть, она вступилась за поруганные народные идеалы?

Но нынѣшняя интеллигенція заявляетъ, что она не признаетъ народныхъ идеаловъ и считаетъ ихъ предразсудкомъ. Пусть будетъ такъ, все таки

въ чемъ же заключаются заслуги „интеллигенціи“ передъ народомъ? Деревня въ такъ называемомъ „культурномъ“ отношеніи отстала, школы убоги, больницы отсутствуютъ, крестьяне голодаютъ... отчего же интеллигенты не придутъ на помощь народу, не повернутъ рычагъ жизни по своему?..

Въ томъ то и бѣда, что безъ народа имъ не ступить и шагу.

Теперь они, конечно, всю вину сваливаютъ на полицейскіе порядки, но, увѣряю васъ, если бы интеллигентамъ была предоставлена полная свобода дѣйствій, они дальше проповѣди о пресловутомъ „матеріалистическомъ“ ученіи не пошли бы, а, разрабатывая реформы, мѣряли бы ихъ на свой аршинъ, то есть заботились бы прежде всего и раньше всего о томъ, что необходимо имъ самимъ. Одному, напримѣръ, нужна свобода „совѣсти“ (какъ будто совѣсть можно заковать въ кандалы или посадить въ тюрьму) другому — свобода собраній, третьему неприкосновенность личности и жилища, четвертому свобода „передвиженія“ и т. д. — много свободъ бываетъ — а ну-ка, мужичекъ, выручай!

Ибо удѣлъ мужика — выручать, и онъ выручаетъ: бюрократовъ ли или демократовъ, но выручаетъ. Напримѣръ, для интеллигенціи усиліемъ тѣхъ же „холоповъ“ и „варваровъ“ предоставлена сейчасъ какая ни на есть свобода—все таки интеллигенты имѣютъ право критиковать всѣхъ и вся, исповѣдывать какую угодно религію, устраивать собранія и, главное устраивать себя «какъ получше», а что касается самихъ крестьянъ, то они какъ были безъ земли, такъ и остались. Добро бы еще, если бъ дѣло кончилось прощеніемъ мужиковъ, «выручавшихъ» интеллигенцію,

а то, вѣдь, ихъ истязали, пытали, сдирали съ нихъ «шкуры» розгами, отправляли на каторгу, наконецъ, вѣшали и вѣшаютъ! Что же, интеллигенція, вступилась за народъ, за его идеалы, пожертвовала личнымъ счастьемъ для общаго блага?

Нѣтъ и нѣтъ!

Видя, что народъ усталъ ее «выручать» и притихъ, она выругала его фофелой и пропѣла ему отходную. Отходную эту съ ученымъ видомъ и на разные лады торжественно мурлыкали представители «интеллигенціи» — разные Энгельгарты, Таны, Притыкины и прочія букашки, имена же ихъ ты Господи вѣси... Не вытекаетъ ли изъ этого, что большинство «интеллигентовъ» смотритъ на народъ какъ на пушечное мясо, необходимое для борьбы за мѣщанское счастье интеллигенціи. Что касается до мнимой самоотверженности интеллигентовъ, ихъ демократизма, то они притворяются печальниками народными лишь для отвода глазъ, чтобы переманить на свою сторону мужика, рабочаго и заставить ихъ добывать интеллигентскую свободу. Можетъ ли послѣ этого быть рѣчь объ искреннемъ желаніи блага народу со стороны интеллигенціи?

Изъ многочисленныхъ борцовъ за свободу искренними оказались очень немногіе, и всѣхъ дѣятелей освободительнаго движенія можно раздѣлить на три разряда: одни настоящіе борцы за свободу, искренніе, всецѣло преданные дѣлу народа — ихъ капля въ морѣ, — другіе — искатели приключеній, выступавшіе въ качествѣ борцовъ за свободу изъ тщеславія и самовлюбленности и, наконецъ третьи — гешефтмахеры, обдѣлывавшіе подъ шумокъ освободительнаго движенія свои дѣлишки и яро выступавшіе «на защиту» свободы

лишь тогда, когда нарушалось ихъ собственное благополучіе — такихъ тьма тьмущая. Это ни для кого не составляетъ секрета, какъ не составляетъ секрета и то, что «интеллигенты» привыкли загребать жаръ чужими руками и устраивать свою личную жизнь цѣною народной крови. Въ этомъ отношеніи они нисколько не отличаются отъ бюрократовъ, которые также, вѣдь, желаютъ «блага» народу, но приносятъ ему только вредъ.

Вопросъ о ложной искренности интеллигентовъ — жгучій вопросъ и о немъ можно было бы написать много правдивыхъ и гнѣвныхъ страницъ да — стоитъ-ли...

Вѣдь, обидно и больно объ этомъ говорить. Обидно потому, что какъ ни доказывай, никто тебя не станетъ слушать, никто не заглянетъ въ бездну, отдѣляющую народъ даже отъ истинныхъ интеллигентовъ, не говоря уже о лже-интеллигентахъ, которыхъ народъ ненавидитъ ненавистью страшной и послѣдней: всѣ видятъ эту бездну, всѣ ходятъ около нея, но дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ея. А больно потому, что — не приведи Богъ говорить правду такъ называемымъ интеллигентамъ, правду, которая, колетъ глаза и грызетъ совѣсть: ты погибъ на вѣки! Интеллигенты смѣшаютъ тебя съ грязью, изничтожатъ, или, скрѣпя свои закаменѣлыя сердца, — смолчатъ, но дороги всѣ загородятъ передъ тобой и пути закажутъ.

Но пусть! Молчать я все таки не буду: за меня правда и народъ. Помнитъ и знаетъ онъ, какъ на него изливали потоки грязи за то, что онъ мало клалъ костей, на которыхъ строили свое счастье гешефтмахеры, и остался чистымъ какъ кристалъ въ то время, когда кругомъ свирѣпство-

вала чудовищная провокація (потому что развѣ еврейскіе погромы — не провокація?) измѣна, корыстолюбіе, эгоизмъ и всеобщее предательство.— Ибо интеллигенты злятся на народъ даже тогда, когда не могутъ найти въ немъ тѣхъ пороковъ и тѣхъ мерзостей, которыми пропитаны сами.—Все это знаетъ народъ и заступится онъ за попранную правду. А правда та, что на народъ возводится страшная клевета, поклепъ, но народъ чистъ: благоговѣйно и беззавѣтно отдалъ онъ всѣ свои силы великому дѣлу свободы, благоговѣйно слушался во всемъ интеллигентовъ до тѣхъ поръ, пока, къ ужасу своему, не увидѣлъ, что это корыстолюбцы, лжецы, притворщики и измѣнники.

Только когда увидѣлъ это народъ, онъ рѣшилъ слушаться себя и сказалъ:

— Такъ вотъ кто такіе, эти образованные! Мы думали, они о насъ заботятся, а они — только о себѣ! какъ это мы не смекнули раньше: вѣдь республика эта самая намъ какъ будто и не нужна а поди-жъ ты, изъ за нея то намъ не дали земли, изъ за нея и дымъ коромысломъ.. Намъ только хлѣба дай, а тамъ мы сами знаемъ, какъ двинуться впередъ..»

Интеллигенція услышала этотъ голосъ народа и ужаснулась. Въ порывѣ ненависти и злобы къ народу, она обозвала его трупомъ.

Про то, какъ интеллигенты сами стали, что называется, «тише воды, ниже травы» — никто не говоритъ, всѣ молчатъ. Другое дѣло, если затихъ и смирился мужикъ: на счетъ его можно «пройтись» и интеллигенты «прохаживаются». То загадочное молчаніе, которое царитъ теперь въ деревнѣ, они сравниваютъ съ покоемъ кладбища и всю страну

именуютъ не иначе, какъ «сплошной мертвецкой». Подобно крыловской кумѣ, вину въ крушеніи освободительнаго движенія «интеллигенція» свалила на народъ. А затѣмъ нашлись такіе господа, которые окрестили крестьянъ «погромщиками», «холопами», «варварами». Дескать, холопъ никогда не можетъ быть свободнымъ, а погромщикъ и варваръ—культурнымъ.

Не спѣшите клеймить, прозвищемъ холопа сводолюбивый русскій народъ, господа «интеллигенты». Настанетъ время, когда онъ освободится отъ всего наноснаго, въ томъ числѣ — васъ и самъ завоюетъ себѣ свободу, только не призрачную свободу, а дѣйствительную. А пока вы — глумитесь надъ «великой Федорой» и взглядъ на народъ, какъ фофелу, до того вкоренился въ васъ, что противъ этого никто не рѣшается и возражать. Наоборотъ всѣ убѣждены, что мужикъ можетъ подвести и подвергать себя риску изъ за него не стоитъ.

Многіе изъ интеллигентовъ съ какимъ то злорадствомъ говорятъ теперь (отчасти печатно, но больше устно) о вырожденіи народа. Повторяю, подождите, господа, предрекать гибель народу, котораго вы не знаете. Нужно побывать въ деревнѣ, чтобы видѣть и слышать, какъ крѣпка вѣра у народа въ свое великое будущее!..

Старое крестьянство умерло и народилось новое. Матеріально новое крестьянство нисколько не отличается отъ стараго, даже, можетъ быть, больше переноситъ лишеній, но зато оно многому научиилось. У него выработался особый, своеобразный взглядъ на вещи: ни отъ кого не ждать помощи и дѣйствовать самостоятельно. Поэтому, для него совершенно безразлично, вырабатываетъ

ли Государственная Дума законъ о свободѣ и намѣрено ли правительство наградить его землею: оно знаетъ, что и при «свободѣ» ему не полегчаетъ и что земли ему при теперешнемъ составѣ Думы дадутъ — клочекъ, да и то за высокую цѣну, а къ тому-жъ сама земля не будетъ родить и на нее нужно положить каторжный трудъ да заплатить за нее подати. Точно также, не послушаетъ народъ и лже-интеллигенціи, которая станетъ проповѣдывать «о своихъ мѣстахъ» и загораживать глаза агрономіей — не послушаетъ по той простой причинѣ, что онъ будетъ видѣть, какъ эта интеллигенція предается любимымъ, иногда празднымъ занятіямъ и развлеченіямъ, въ то время, когда мужикъ, въ силу необходимости, обязанъ кормить ее, идти за нее на войну. Врядъ ли кинется крестьянинъ, очертя голову и въ борьбу за призрачныя права, ибо при чемъ же права, если ты бѣденъ и немощенъ? Впрочемъ, права крестьянамъ почти предоставлены, только вотъ толку изъ этого мало: мужикъ по прежнему голодаетъ...

Смѣшно было бы утверждать, что крестьяне вовсе не желаютъ никакихъ правъ, а также, что они ждутъ земли теперь не такъ страстно какъ прежде: полныя права имъ нужны и земли они жаждутъ — это само собой. Но «полныя права» теперь у крестьянина на второмъ планѣ и на земледѣліе онъ смотритъ лишь какъ на необходимое подспорье въ жизни, а главная мечта главное стремленіе ихъ теперь уже не одно земледѣліе, при которомъ можно жить также грязно и голодно, — а и умственное развитіе, созданіе народно-деревенской культуры; говоря иначе: умъ, смѣтливость и знаніе н а з е м л ѣ. Крестьяне,

сыны земли, ненавидятъ города и густонаселенныя мѣста. Здоровые тѣломъ и душой они идутъ туда, гдѣ запахъ травъ, солнце и просторъ. Только страхъ голодной смерти гонитъ ихъ въ проклятые омуты, гдѣ они и погибаютъ. Для интеллигентовъ же городъ и рынки жизни — родная стихія, они себя чувствуютъ въ городѣ господами положенія, ибо здѣсь можно жить не работая, а, главное, дѣлая видъ, что они нужны человѣчеству; тогда какъ въ деревнѣ, сдѣлать этого нельзя: тамъ нужно или обрабатывать землю своими руками, чтобы не быть въ глазахъ народа дармоѣдомъ и успокоить собственную совѣсть, или прослыть такимъ же угнетателемъ народа, какъ и бюрократы, а, вѣдь, этого то и боятся интеллигенты. Въ городѣ можно изображать изъ себя народнаго печальника, не потрудившись на дѣлѣ доказать это, потому что-де земли въ городѣ нѣтъ и обрабатывать нечего интеллигентамъ, а то они бы — совсѣмъ удовольствіемъ. Какъ воронье на добычу, стремятся интеллигенты въ городъ, гдѣ много падали, гдѣ легче на костяхъ другихъ устраивать собственное мѣщанское благополучіе. Народъ достающій себѣ хлѣбъ кровавымъ потомъ давно окрестилъ интеллигентовъ пауками и вороньемъ. Говорю интеллигентовъ, ибо народъ не видитъ никакой разницы между торговцемъ и газетчикомъ, между бюрократомъ и политическимъ дѣятелемъ, между врачемъ, инженеромъ, адвокатомъ и помѣщикомъ. Всѣ они втайнѣ желаютъ только одного: какъ бы самому лучше пожить на свѣтѣ, а ихъ народолюбіе, ихъ либерализмъ— средство для занятія наилучшаго положенія въ обществѣ. Слова нѣтъ, исключенія бываютъ, но очень рѣдки. Въ памятные дни освободительнаго

движенія было много свѣтлыхъ личностей, интеллигентовъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Они любили народъ любовью пламенной и беззавѣтной и жизнь свою положили за други своя, а нѣкоторые, оставшись въ живыхъ, и теперь несутъ ужасныя муки за свою любовь къ народу, несутъ безропотно и молчаливо. Вырвалось ли у этихъ мучениковъ, у этихъ страстотерпцевъ хоть единое слово упрека по адресу народа за его мнимое раболѣпство и измѣну свободѣ? Нѣтъ, истинные интеллигенты и борцы, кровью своею и страданіемъ запечатлѣвшіе вѣрность свободѣ и любовь къ народу, не посмѣли сдѣлать этого, ибо они знали, что народъ не виноватъ, что дѣло свободы было безповоротно погублено лже-интеллигентами, которые смотрѣли на освободительное движеніе какъ на своеобразный гешефтъ и старались какъ можно больше вырвать правъ и преимущество лично себѣ, но въ грязь топтали народные интересы и идеалы.

За то досталось народу именно отъ этихъ лже-интеллигентовъ, которые грѣли около освободительнаго движенія руки и страшно обозлились, когда оно кончилось. Еще бы! Легкомысленныхъ юношей, идущихъ подъ пули и на висѣлицу изъ за того, что Азефу нужно содержать своихъ дѣтей въ дорогомъ заграничномъ пансіонѣ, а Энгельгарту писать забористыя статейки, зашибая этимъ деньгу — было достаточно; мужиковъ, требующихъ учредительнаго собранія и готовыхъ избрать въ президенты республики Энгельгарта или Азефа— было хоть отбавляй, и вдругъ всѣ эти юноши и всѣ эти мужики — куда дѣвались! какъ тутъ не разозлиться?! Поневолѣ обзовешь юношей — рабами, спасающими свои шкуры, а мужиковъ, т. е.

народъ — фофелой (см. „Свободныя Мысли“ за 1907 г.) Отъ подобныхъ господъ, впрочемъ, другого отношенія къ народу и нельзя было ожидать, но удивительно, какъ у нихъ послѣ этого хватаетъ безстыдства называть себя поборниками правды и истины, глашатаями свободы и равенства!

Лже-интеллигенты есть вездѣ, во всѣхъ странахъ, но тамъ они не рядятся въ пестрыя перья, тамъ они открыто себя называютъ представителями „буржуазіи“ и не думаютъ именоваться защитниками народныхъ интересовъ и идеаловъ. У насъ же именно эти лже-интеллигенты и претендуютъ на званіе народныхъ вождей; истинные народные вожди у насъ не показываются на міръ Божій, сторонятся отъ дѣлъ, ибо чувствуютъ себя одинокими. Вотъ что горько сознавать, вотъ что наполняетъ сердце тоской и страхомъ за будущее родного народа!

Но не дастъ себя въ обиду народъ, никому не дастъ! На землѣ, среди полей и лѣсовъ, создаетъ онъ свое царство и царство это будетъ царствомъ разума, энергіи, знанія, красоты и любви.

Интеллигенты какъ будто не замѣчаютъ, что народъ хочетъ жизни живой, но не механическаго существованія, и настойчиво совѣтуютъ крестьянамъ заниматься политикой и только политикой, а въ видѣ особой милости насаждаютъ школы грамоты и читаютъ лекціи о травосѣяніи. Пользуясь образованіемъ, какъ средствомъ для эксплоатаціи народа и потому чувствуя передъ этимъ народомъ вину свою, они пытаются загладить эту вину „наукой“ и политикой, хотя сами въ глубинѣ души надо всѣмъ этимъ смѣются.

Ужъ не школами-ли грамоты, не лекціями-ли о травосѣяніи, не политикой-ли, наконецъ вздумала облагодѣтельствовать народъ интеллигенція? Но, Боже мой, развѣ не извѣстно интеллигентамъ, что если я и получу всѣ пять свободъ, то жизнь моя отъ этого нисколько не улучшится, ибо свободами воспользуются болѣе пронырливые люди, а я буду вѣчно голодать. Ну, и относительно школы: не все-ли для меня равно, окончу ли я сельскую школу, или выучусь грамотѣ у дьячка, вѣдь разницы почти никакой, а польза отъ этого одинакова: я буду пахать или пасти стадо. Значитъ, не въ политикѣ и не въ школѣ грамоты дѣло (ибо грамотѣ крестьяне выучиваются и помимо школы, — у псаломщиковъ, у учителей, бывшихъ учениковъ; неграмотныхъ крестьянъ теперь очень мало; затѣмъ — политика, повторяю, не является главной цѣлью въ жизни крестьянства), а въ томъ толчкѣ, въ томъ творческомъ сдвигѣ, въ томъ царствѣ разума на землѣ, котораго народъ больше всего жаждетъ сейчасъ.

Интеллигенція-же не замѣчаетъ этого или, вѣрнѣе, не желаетъ замѣтить. Но народъ самъ пробиваетъ себѣ дорогу. Онъ бросилъ вызовъ интеллигенціи и, кажется, уже вступилъ въ единоборство съ ней. Какъ лавина онъ хлынетъ на „верхъ жизни“ и смететъ тѣхъ, кто, презирая народъ, ничего, кромѣ вреда не принесъ ему.

Народъ жаждетъ жизни полной и красивой, жаждетъ творческой дѣятельности одновременно въ полѣ, за станкомъ и на поприщѣ ума. Онъ идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Заводь народныхъ силъ еще тиха, старая плотина интеллигенціи еще держится, но уже сочатся сквозь нее свѣжія струи грядущаго Потока-Богатыря.

Преграды рухнутъ, и великая сила потока зальетъ всѣхъ и вся, грязь и муть пойдетъ ко дну, а съ хрустальнымъ потокомъ устремятся въ даль къ цвѣтамъ и зорямъ только чистыя волны.

Силъ народа пока не знаетъ никто. Всѣ почему то думаютъ, что народъ спитъ. Если такъ, то страшно-же будетъ его пробужденіе, и земля содрогнется, когда онъ вступитъ въ борьбу — не съ мутью и грязью. съ нею смѣшна борьба, — а со всѣми тѣми, кто станетъ на его историческомъ пути, будь то „непріятель," свой — все равно.

За народомъ сказочное будущее.

Счастливы будутъ тѣ, которые постигнутъ солнечную радость, правду его, но горе себялюбивымъ гордецамъ, въ ослѣпленіи своемъ и лжи презирающимъ народъ, — горе гробамъ повапленнымъ!